

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ™

ТАЙНАЯ МАГИЯ ДЕПРЕСНЯКА

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭЙТЕЗИ!

Дмитрий Емец
Тайная магия Депресняка
Серия «Мефодий Буслаев», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139689
Тайная магия Депресняка: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 978-5-699-18592-4, 5-699-18592-5*

Аннотация

Черная Дюжина – лучшие бойцы Тартара – нападает на ворота Эдема. Крупный отряд стражей света, усиленный грифоном, заставляет темных отступить. Пытаясь скрыться, стражи мрака натываются на валькирий. Предводитель Черной Дюжины Тарлантур гибнет в схватке. И Мистический Скелет Воблы – загадочный артефакт-пересмешник, хранителем которого он являлся, оказывается в человеческом мире. Теперь артефакт ищут и светлые, и темные. А Даф и Мефодий пытаются отыскать Депресняка. Ведь какой вечноголодный адский котик с крыльями откажется от рыбьего скелета?..

Содержание

Законы Дарха	4
Кодекс Валькирий	5
Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дмитрий Емец

Тайная магия Депресняка

Законы Дарха

1. Дарх дает силы только одному.
2. Дарх несет боль всем, кто с ним соприкоснется. Но самую большую боль он причиняет тому, кто его носит.
3. Дарх вселяет ужас во врагов.
4. Дарх обжигает взгляд стражу света и замораживает смертного переливами своих граней.
5. Дарх не должен соприкасаться с крыльями стражей света.
6. В дархе не должно быть меньше одного эйдоса. Опустевший дарх заберет собственный эйдос того, кто его носит.
7. Дарх дарит вечность, но эта вечность близка смерти.
8. Дарх останавливает внутренний рост и уничтожает все хорошие задатки. Кто-то может сопротивляться веками, но финал предопределен.
9. Дарх порабощает своего хозяина, если он слабее его. Но и если хозяин сильнее, он все равно порабощает его.
10. Темный страж, лишившийся дарха, лишается вечности.
11. Дарх не должен достаться свету.

Кодекс Валькирий

1. Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах.
2. Никто из прежних знакомых валькирии не узнает ее. Валькирия не должна открывать никому тайны. Иначе тайна защитит себя сама, и всякий услышавший ее умрет.
3. Валькирия должна держать под контролем свои звериные и птичьи воплощения.
4. Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви. Того, кто полюбит ее, ждет гибель.
5. Валькирия должна принять брошенный ей вызов. Кем бы и при каких обстоятельствах он ни был брошен.
6. Валькирию, которая нарушит пятое правило, ждет Суд Двенадцати.

Жили-были три цыпленка:

Як, Як Цыдрак, Як Цыдрак Цыдрони.

Жили-были три цып-цыпки:

Цыпа, Цыпа-Дрыпа, Цыпа-Дрыпа Лямпомпони.

Вот эсенился Як на Цыпе,

Як-Цыдрак на Цыпе-Дрыпе,

Як-Цыдрак Цыдрони на Цыпе-Дрыпе

Лямпомпони.

Родилось у них по сыну:

У Яка с Цытой – Шах;

У Як Цыдрак с Цытой Дрытой – Шах-Шарах.

*У Як Цыдрак Цыдрони с Цыпой-Дрытой
Лямпомпони – Шах Шарах Шарони.
Скороговорка*

Глава 1

Руна выпотрошенного школяра

Когда зло сражается с добром, это еще понятно. Но не это высший пилотаж. Высший пилотаж – это сравить добро с добром и, стоя в сторонке, стричь купоны.
«Книга серости»

– Мефодий, мальчик мой! У меня для тебя прекрасная новость! – бодро сказал Арей.

Буслаев взглянул на мечника с тревогой. Сколько он себя помнил, всякий раз, когда глава русского отдела мрака так говорил, прекрасной новость оказывалась только с точки зрения Арея.

– Тебе уже четырнадцать! Ты перешел в третье, едва ли не главное семилетие жизни – с четырнадцати лет до двадцати одного года! Важный рубеж для мужчины. Ты перестал быть мальчиком и стал юношей. Ощущаешь?

Меф заверил, что ощущает. Арей прищурился. В правом глазу зажглась голубоватая мертвая искра.

– Прекрасный возраст, чтобы принести свой первый эйдос! – лукаво продолжал мечник.

Сколотый зуб привычно царапнул язык. Право, если бы сколотого зуба не было, стоило бы повторить печальный

опыт и отбить край зуба еще раз. Зуб успокаивал, позволял взять паузу.

– Что? Первый эйдос? Разве это не комиссионеры должны... – начал Меф.

Арей, не дослушав, махнул рукой.

– Ну да... да... Обычно эйдосы приносят нам комиссионеры, наши верные псы, но первый эйдос это другое. Он больше, чем просто трофейный эйдос. Это ритуал посвящения. Гарантия того, что ты служишь мраку, а не тете Зине из магазина. Он станет первым эйдосом в дархе, который тебе предстоит завести в день, когда тебе исполнится восемнадцать.

– Мне предстоит завести дарх? – ужаснулся Меф, глядя на серебристую сосульку на шее у Арея.

Ощущая, что на него смотрят, дарх повернулся и заиграл змеистой гранью, которая закручивалась спиралью, как елочная игрушка-сосулька. Глаза Мефа обожгло точно паром. Смотреть на дарх было больно, прикасаться к нему мучительно. Но и Арею, как ни дорожил он дархом, тоже было с ним непросто. Иногда Меф видел на шее мечника, вокруг цепи, на которой висел дарх, капли мерцающей крови. Дарх растекался, полз по цепи и слизывал их.

Улиту ее дарх мучил чуть меньше. В нем находилось меньше эйдосов, и он был слабее. Зато ночами дарх Улиты обожал переползать ведьме на шею и, обвиняя ее как змея, насыщался тугими ударами пульса. «Знает, пиявка гадская,

что я полнокровная!» – говорила ведьма.

– Да, синьор-помидор... Предстоит. А как иначе? Так было и со мной когда-то. Первый эйдос – это как первая охота. Только после нее ты становишься полноправным стражем. Докажи, что ты волк, а не кролик, палач, а не жертва.

Меф подумал про себя, что карьера палача его не очень прельщает. Если мраку нужен был палач, почему он не выбрал какого-нибудь придурка из тех, кто вешает кошек в темном тупике за школой или пускает в пруд пойманную рыбу, забив ей в жабры спичку? А сколько редкостных интеллектуалов гонятся с зажигалкой за ползущим по стволу жуком, любуясь, как у него сворачиваются от огня задние лапки, а жук все пытается удрать, наивный? Называется сия картина «Героическая смерть жука-пожарника». И самое скверное, что каждый, даже самый неплохой как будто человек, хотя бы однажды переходит по переброшенной доске этот провал садистического любопытства. Кто-то переходит, а кто-то и срывается.

Арей всматривался в Мефодия осторожно, чуть искоса, но зорко, как человек в метро в чужую книгу. И когда только этот тормозящий даун перевернет страницу? Он что, по слогам читает? Хотя, рассуждая здраво, бумага в книге должна быть чистой и белой. Буквы отравляют воображение.

– А сейчас, Мефодий, я дам тебе фотографию... – продолжал Арей.

– Чью фотографию?

Арей оглянулся на пустое кресло.

– Минуту терпения, синьор помидор! В таком важном деле, как вручение фотографии первой жертвы, необходимо соблюсти все формальности. Для этого мне нужен еще один представитель мрака!.. Прошу, Аида Плаховна!

Прежде чем Меф успел удивиться, в кресле появилась Мамзелькина. Она сидела здесь, видно, давно. В одной руке – большая кружка с медовухой, в другой – глиняная трубочка, клубящаяся дымком. Меф не помнил, чтобы он видел эту трубочку раньше.

Мамзелькина поклонилась Мефу и продолжила посасывать трубочку. Вступать в разговоры она явно не собиралась, предпочитая роль немого свидетеля.

– Аида Плаховна, вы готовы? – официальным тоном спросил ее Арей.

– Я как лапша быстрого приготовления, всегда готова, – отвечала Мамзелькина.

– Тогда не будем тянуть кота за аппендицит, как говорит Улита! Приступим!

Мечник придвинул к себе осколок мраморной плиты с клеймом Канцелярии мрака и начертил на ней индивидуальную опознающую руну – нечто вроде личной подписи стража мрака. Плита оплыла, как забытый на солнце шоколад, забурлила. На поверхность, как из трясины, стали подниматься пузырьки.

– Как видишь, брат Меф, никакого надувательства –

сплошной лохотрон! – с усмешкой сказал Арей, жестом показывая Буслаеву, что нужно делать.

Стараясь, чтобы не было заметно, что он брезгует (брезгливость у стражей мрака не поощрялась), Меф погрузил в камень руку и осторожно пошарил. На ощупь плита была вязкой и липкой, как кисель. Что это кольнуло ему палец? Ага, угол фотографии. Меф готов был поклясться, что снимок появился внутри плиты только что.

Меф достал его, расправил, стер грязь и, ощущая на себе взгляд Арея, стал изучать снимок. Темные дуги бровей. Спокойная, ненапряженная улыбка, что вообще-то большая редкость для фото, где все вымученно ждут птичку, явно намереваясь сотворить с ней что-то нехорошее.

– Проклятье! – тихо сказал Меф. Он надеялся, что плита даст ему снимок кого-то другого. Кого ему не будет жаль.

– Ты что, знаешь ее? Видел раньше? – спросил Арей.

Плаховна и он уставились на Мефа с равным интересом.

– Да. Это девчонка-валькирия, – с усилием произнес Меф.

– *Которую ты не убил, хотя у тебя была возможность,* – вежливо напомнила Мамзелькина.

Меф смутился.

– Ну и у нее была... Но почему именно ее? Разве подойдет не любой эйдос?

– Для обычного стража – любой. Но наследник мрака – это нечто иное. Старт должен быть убедительным. По-моему, валькирия – это как раз то, что нужно. Тебя будут ува-

жать, – сказал Арей.

– Считаете, она отдаст свой эйдос мне? Даже убей я ее – не отдаст. Силой же его не отнимешь, – начал Меф и замолчал, заметив, как Арей нетерпеливо нахмурился.

– Думай, синьор помидор, думай! Нытье и отговорки – для неудачников. У этих болванов нет времени побеждать. Свои дни они тратят на поиски причин, почему они ничего не сделали и кто им помешал.

Меф удрученно кивнул и еще раз посмотрел на снимок.

– Ты слышала? Мне нужен твой эйдос! – сказал он фотографии.

Девчонка продолжала улыбаться спокойно и радостно. Либо фотография была обычной, неоживающей, либо та, кого она запечатлела, никак не ждала от Мефа беды. Нет, все-таки в изгибе бровей этой валькирии есть что-то безумно знакомое! Что-то, что он видел многократно, к чему был привязан. Может, в школе, может, где-то еще, может, кто-то просто был похож на нее. Но почему же так ломит виски, когда он пытается вспомнить?

– Больше мы тебя не задерживаем. У вас нет вопросов к нему, Аида Плаховна? – спросил Арей.

– Есть. Где у вас медовуха?

– Ну на этот вопрос я отвечу и без него, – сказал мечник, подходя к дубовому шкафу в углу кабинета.

Покинув кабинет Арея, Мефодий подошел к окну приемной. Январь медленно переползал в февраль. Настенный ка-

лендарь с идиллическими картинами стрелецкой казни готовился расстаться со своей первой головой – со своим первым листом.

На Большой Дмитровке, 13, как и везде, была зима. Мало заметная в центре, здесь она проявлялась желтоватой наледью у стен домов и сосульками на телефонных будках. Вечером снег, ночью мороз, утром слякоть. Следуя причудам погоды, душа то замерзает, то оттаивает. И радостно на ней, и слякотно, и морозно, и тревожно.

– Где Улита? Позови ее сюда! – догнал Мефа рык Арей.

Меф оглядел приемную.

– Не позову. Нету ее.

– Что за фокусы вообще? Снова ушла на прополку бананов?.. – возмутился Арей.

Последнее время секретарша часто пропадала, почти забросив дела. Арей переносил это в целом довольно спокойно. Слуга мрака, он уважал чужие пороки. Гораздо хуже он относился к чужим добродетелям.

У Улиты же была пора любви. Она логично рассуждала, что в двадцать лет надо развлекаться, а начать разбирать бумажки не поздно и в семьдесят. Все лучше, чем смотреть сериалы и доставать окружающих бесконечными жалобами.

На многозначительные угрозы Тухломона и прочих комиссионеров, недовольных тем, что их отчеты попадают в Тартар позже обычного, Улита плевать хотела. Ей ведом был главный секрет бытия: с человеком, который не боится и все-

гда радостен, ничего дурного приключиться не может.

* * *

Стараясь не думать о валькирии, Меф уселся за стол Улиты и стал просматривать последнюю кипу пергаментов. Рассортированные пергаменты он бросал Дафне, которая ловила их и раскладывала по полосатым сумкам, дешевым и вместительным, которые любят торговки на вещевых рынках. Пергаменты готовились к отправке в Тартар.

– Аренда три года и больше – вторая сумка, – распоряжался он. – Аренда более года до трех лет – первая сумка. Аренда менее года – третья сумка. Стоп, срок залога истек! Четвертая сумка!.. Дафна! Ты не в ту сумку кладешь!

– Ой! Вот дырявая голова! Я нечаянно, – спохватилась Даф, изображая крайнее раскаяние.

Меф усмехнулся:

– Я так и понял. Всякий раз, как эйдос должен оформляться на изъятие – ты путаешь сумки.

– Что ты хочешь от бедной девушки? Целых четыре сумки и все одинаково полосатые! Эти полоски путаются у меня в голове, и я лишаюсь способности что-либо запомнить!

– Не пудри мне мозги! Жаль, тут нет Тухломона. Он бы тебе объяснил, что все договора на учете. Даже вздумай мы по доброте душевной использовать договорчик-другой не по назначению, ну скажем, для растопки камина, остались бы

копии в Канцелярии, и нас бы потом прищучили. Где договор номер фиг-шмыг-брык какой-то? Куда дели? С какой целью? Присядьте на горячую сковородочку – поговорим.

Поняв, что Меф прав, Даф уныло кивнула.

– Мне не нравится твой юмор. Он с каждым днем становится все циничнее, – сказала она.

– Работа такая.

– И что теперь будет с четвертой сумкой? Хоть кому-то продлят аренду?

– Кому-то, может, и да. Если Арей в хорошем настроении будет или Улита заступится. А уж если к Лигулу в Канцелярию попадет – тут уж без вариантов: нет, – со знанием дела сказал Меф.

– А бывали случаи, когда кто-то отдавал эйдос в заклад, а потом его не терял? Взялся человек за ум, выстроил сиротский приют и все такое? – сказала Даф.

Как все стражи света, она была неисправимая идеалистка.

Меф втокнул в четвертую сумку последний пергамент и, прижимая коленом, обмотал сумку скотчем. Особенно надо было следить, чтобы скотч нигде не лег крестом. За такое в Канцелярии мрака по головке не гладили. Разве что предварительно отрезав упомянутую головку.

– Я о таких случаях не слышал, – осторожно заметил Буслаев. – Ты же знаешь текст договора заклада: с момента заключения договора эйдос считается собственностью мрака. Мрак великодушно разрешает тебе пользоваться своим соб-

ственным эйдосом (красиво, да?) на срок действия аренды. То есть *он тебе дает в аренду твой эйдос, а не ты ему!* Когда же аренда истекла – фьють! Прости-прощай! Шнуруй вьетнамки и вон с праздника жизни!

Даф грустно подпрыгнула на сумке, помогая Мефу упаковать получше. Дверь резиденции мрака открылась. Вначале вошла Улита. За ней – Мамай в шоферской фуражке. Плоское, обычно неподвижное лицо хана выглядело оживленным.

– Чего он такой довольный? Опять устроил на рынке ножевую драку на почве вечной дружбы между народами Крайнего Севера и крайнего Юга? – осведомился Мефодий.

– Обижаешь, родной! Пряма-таки ногами пинаешь! Мы попали в дэ-тэ-пэ и вызвали ги-бе-де-де, – с удовольствием коверкая причудливо звучащие слова, сказала Улита.

Мамай стащил с круглой лопоухой головы фуражку и ухмыльнулся.

– А зачем вызывали-то? – спросил Меф.

Улита задумалась. Она и сама, видимо, не знала зачем. В аварии они попадали сотни раз и обычно даже не притормаживали.

– Почему-почему? Почемушто! Я захотела, – заявила ведьма.

– Кого? – влез пошлый Чимоданов.

Он валялся на диване в приемной (удушение подушкой на почве ревности и посягательство на отгрызание носа) и с

вдохновением Микеланджело лепил человечков из пластиковой взрывчатки. Целый чемодан такой взрывчатки притащил ему прапорщик, которому позарез надо было продлить аренду. Человечков было уже около дюжины, однако признаки жизни подавал пока один. Он вяло лежал на спине и периодически дергал то одной, то другой ногой.

Улита посмотрела на Чимоданова с лютой тоской, с какой массажистка в конце рабочего дня смотрит на притащившегося к ней борца сумо. Петруччо поспешно стушевался. Он хорошо знал этот взгляд и то, что бывает после. Когда пахло жареным, хитрый малый умел становиться ниже плинтуса.

– Меня нету! Я ничего не вякал! Это было эхо! – торопливо сказал он.

– Вот и чудесно! Я хочу быть законопослушной... И вообще, надо проявлять сознательность. Если не мы будем гражданами нашего общества, то кто?.. Чего лыбишься, Чемодан? Тридцать два – норма? Радуйся, что у тебя вообще еще есть зубы! Скоро у тебя вместо зубов будет вставлен мой ботинок! – рявкнула секретарша Арея.

Дафна подошла к Улите и осторожно подула на ее лоб. То ли оттого, что ведьма в последнее время неплохо к ней относилась, то ли потому, что дыхание рожденной в Эдеме Дафны наделено было особой силой, Улита сразу остыла.

– Ладно, ящик с ушами, считай, что тебе повезло... Рассказываю: стоим мы на перекрестке, спокойно радуем весь район своим музоном и тут – трах! бабах! – нас дергает со

страшной силой. Я отлетаю носом чуть ли не в стекло. Выскакиваю из машины и что вижу? В нас врезалась девица на крошечной машинке. У нее весь передок вдребезги, а у нас задний фонарь разбит.

Мамай беззвучно заржал, показывая большие белые зубы. Два передних у него торчали немного вкось, образуя треугольную, нечасто встречающейся формы щель. Происшествие казалось хану чрезвычайно забавным. Обычно он во всех врезался, а тут врезались в него. Ну разве не смешно?

– А фонарь, может, редкий! Бедный Мамай, может, до пенсии за него не расплатится! И плевать мне, что эта девка первый день за рулем! Если ты первый день за рулем – нечего гонять! Стой себе на газончике и пыhti выхлопной трубой!.. Или по двору езд и кошек дави!

– Улита! – укоризненно сказала Даф, питавшая, как известно, страсть к кошкам.

– Что Улита?... В общем, она орет на меня, я на нее! Прорались, я говорю: нечего тут вонять уцененными духами! Вызываем ги-бе-де-де! И мы его вызываем! – заявила ведьма.

Хан снова захохотал. На этот раз далеко не беззвучно. Улите даже пришлось прерваться и затолкать ему в рот шоферскую фуражку. Мамай хохотал, давясь фуражкой. По щекам у него текли слезы.

– Приезжают. Я начинаю обрисовывать ситуацию, немножко горячусь, и меня просят помолчать... Ладно, я

молчу. Мне интересно, как Мамай выкрутится. У него ж ни прав, ни документов на машину, ни страховки, только справка, что он принимал участие в битве на Куликовом поле в 1380 году в звании темника Золотой Орды и пострадал от действий русского войска. Справка выдана в тысяча девятьсот сорок седьмом году и подписана Берией.

– Что за справка? Подделка, что ли? – спросил Чимоданов.

Мамай выплюнул фуражку.

– Слушай, зачѐм подделка? Берия наш был человек. Его Тухломон окучивал, – сказал он с обидой. – А-а! Что делаешь? Тьфу!

Улита вновь вернула фуражку на прежнее место.

– В общем, с бумажками разрулили. Но самое прикольное было, когда гаишники уже уезжали и пытались увидеть нашу машину в зеркало. Я вижу: и так они его крутят, и сяк – ан нет ее. Глаза видят, а в зеркале – тю-тю.

– Почему? – спросил Меф. Он смутно догадывался о причинах, но чувствовал, что Улите приятно будет сказать самой.

– Видишь ли, у нас особая машина. Если я ничего не путаю, она была взорвана восемнадцать лет назад в Намибии... – заметила ведьма.

– Но это же грустно! Сидеть там, где когда-то... – поежившись, сказала Даф.

Улита мрачно посмотрела на нее.

– Этого ты могла бы не говорить, светлая! Но если других радостей все равно нет, а вместо эйдоса в груди высверленная дырка, в самых грустных вещах можно найти немало утешительного.

Даф спохватилась.

– Прости!

– Пока прощаю, – отвечала Улита, особо подчеркивая голосом слово «пока».

Даф достала флейту, погладила ее, такую родную и привычную, грустно посмотрела на мундштук и спрятала. Ей хотелось играть, но не здесь же, не в резиденции мрака. Когда несколько тысячелетий подряд играешь по три часа в день, это становится не просто привычкой, а болезненной потребностью.

– Светлая, ты похожа на курильщика опиума! – сказала Улита.

– Почему?

– Только они с такой тоской нюхают мундштук.

– Я его не нюхала!.. Ну спасибо, что ты так думаешь! – сердито ответила Даф.

Недавно восстановленное стекло на парадной фотографии ста первых бонз мрака (*снято на торжественном обеде в честь Варфоломеевской ночи, Арей третий слева в верхнем ряду*) треснуло сверху вниз.

– Здесь не говорят «спасибо»! Думай, где ты! – напомнила Улита, с удовольствием наблюдая на стекле еще одну тре-

щину, на этот раз горизонтальную.

Мефодий услышал скрипучий смех Чимоданова. Петруччо смеялся редко. Только когда кто-то умирал, или ломал ногу, или происходило нечто подобное.

– Что за смех в зрительном зале? Разве кто-то уже повесился? – холодно поинтересовался Меф.

Чимоданов смутился и перестал смеяться. Он и сам не смог бы объяснить, что его насмешило, и это тревожило.

Мамай распрощался и уехал. Петруччо, которому нужно было встретиться с другом, увязался с ним, захватив свою коллекцию монет. Зудука пристроился в рюкзаке за его спиной. Наученный горьким опытом, Петруччо обшарил его карманы и вытащил две газовые зажигалки, гильзу от автомата, два охотничьих патрона и пузырек, набитый спичечными головками. Лишенный своих сокровищ, Зудука, однако, не выглядел расстроенным. Шмыгнув носом, он зловеще нырнул в рюкзак и потянул шнурок, затягивая горловину.

– В правом ботинке у него была заначка! Петарды или что-то в этом духе. Грохнет их в метро или по дороге, – сказал Меф, когда Чимоданов уехал.

– Откуда знаешь? – удивилась Даф.

– Интуиция! Я видел, как он ехидно косился на ботинок, когда Петруччо выгребал зажигалки.

Даф как-то странно уставилась на него.

– А почему Чимоданову не сказал? – быстро спросила она.

– Да ну... С ним невозможно разговаривать. Он все время

«я» да «я». Да так прочно садится, что и не собьешь его. Начнешь с ним говорить о чем-то абстрактном, скажем, об Атлантиде. И что в результате? «Я, говорит, в Атлантиде не был». И снова о себе... Нет уж! Против зануды, как против лома, единоборства не работают.

– Все равно надо было сказать про петарду, – сомневаясь, сказала Даф.

– Что я тебе, Тухломон, доносить на кого попало? – возмутился Меф.

– Это был бы не донос, – возразила Даф.

– А что?

Даф провела языком по нижней губе, точно пробуя ее на вкус.

– Ну не знаю... гражданская сознательность, например.

– Гражданская сознательность – это когда узнал, что террористы хотят взорвать пункт приема стеклотары и, не беспокоя милицию, сам наваял им ручкой от лопаты. А по мелочам капать – это называется стукачество, – убежденно заявил Меф.

Улита хихикнула. Она подняла трубку черного телефонного аппарата, стоявшего некогда в штабе Ленинградского фронта, и проверила, не прилип ли к микрофону подслушивающий суккуб, превратившийся в чешуйку перхоти. Это был старый распространенный фокус.

– Ты отстал от жизни, Меф! Теперь все гражданская сознательность. Учись у передовых стран! Там все капают друг

на друга, как ржавые краны! Дети – их хлестнули по мордам майкой, когда они заявили домой пьяные в пять часов утра. Родители – соседка шокирует их, выходя за почтой в розовой пижаме. У них безногая старушка дорогу переползет в неподобающем месте – на нее сразу десять звонков в полицию: мол, старая уголовница царапает ногтями дорожное покрытие, портит пейзаж и путается под колесами у джипов. Каждый должен отвечать за свои поступки. Лигул, помню, все умилился на совещании, как эта сознательность поднимает нам показатели, – сказала она.

– Как-то мы отвлеклись от главного. Бедный Чимоданов едет, а в рюкзаке у него вредоносный башибузук с петардами, – напомнила Даф.

– Ну не такой уж Зудука и вредоносный! – сказал Меф. – Недавно я просыпаюсь, а он сидит у меня на подушке и смотрит грустно, будто тоскует. Даже ножами метательными не заинтересовался. А их в стене штук шесть торчало. Есть у меня привычка ножи в стену кидать и вешать потом на них всякую ерундовину. И вообще не знал, что ты такая правильная.

Даф грустно помолчала, побарахталась немного в неприступных объятиях совести и решительно сказала:

– В том-то и дело, что я перестаю быть правильной. И это меня огорчает.

– То есть?

– Я... э-э... должна кое в чем сознаться.

– Сознавайся. Скидка выйдет.

– У Зудуки была еще одна заначка. В рукаве. Салют на шесть ракет... Ну или как он там называется, когда много раз бабахает?

Меф уставился на нее с удивлением.

– Откуда ты знаешь?

– Ну все-таки я страж света... – сказала Даф не без гордости.

Она и сама не знала, почему не предупредила Петруччо про салют, который точно был опаснее петард. То ли потому, что Чимоданов ее порядком достал, то ли потому, что Зудука, как существо отчасти одушевленное, тоже имел право на свободу выбора.

– Мне не совсем понятна одна вещь. Почему самый страшный, самый невосполнимый вред подобное причиняет подобному? То есть суслик вредит суслику, орел орлу, а человек человеку? Нет, понятно, что и друг другу они вредят, но самим себе гораздо больше, – заметил Меф.

Последнее время его порой тянуло на философию. Даф подошла к окну и прижалась лбом к стеклу. За окном крупными хлопьями падал мокрый снег.

– У меня тоска по солнцу и лету! Не могу без солнца. Хочется включить весь свет, и огня, огня, огня... – сказала она.

– На то ты и светлая, чтобы хотеть света. Императору Нерону тоже как-то захотелось огня. Чего-то яркого, незабываемого, – назидательно сказала Улита.

– И что он сделал?

– Да ничего особенного. Послал рабов подпалить Рим с четырех концов. Правда, народ не понял величия зрелища, малость взбух, и императору пришлось заколоться ржавой вилкой, предварительно съев с нее огурчик.

Мефодий приняхался. У него с детства было обостренное обоняние, тревожившее Зозо своей уникальной, совсем нечеловеческой верностью. Так, когда Зозо возвращалась со свидания, он по запаху ее волос мог сказать не только какие сигареты курил очередной несостоявшийся папахен, но и что они заказывали в ресторане, и как потом Зозо добиралась домой – наземным транспортом или в метро. «У метро запах свой, немного резиновый. А такси пахнет стерильностью поверх грязи и всякими там освежителями помойки... Ну такими, в форме елочек...» – говорил он.

Теперь же Мефодий заявил:

– Паленой проводкой пахнет!.. И почему-то чебуреками.

Улита втянула носом воздух, ничего не почувствовала и пожала плечами.

– Ерунда. Здесь нет проводки, – заметила она.

– Я и не говорю, что есть. Но когда пахнет паленой проводкой или туманом – материализуется джинн. Когда серой и тухлым яйцом – кто-то из темных стражей. Когда мылом, шампунями или духами – суккубы. Только комиссионеры не пахнут. Они воняют.

Меф не ошибся. Внезапно в Канцелярию втянулась через

форточку струйка дыма. Дым расползся, затем сгустился, и вот уже посреди приемной возник молодой улыбчивый восточный джинн, толкавший перед собой вокзальную тележку, нагруженную множеством старинных книг.

– Привет, Омар! Маму слушал, чебуреки кушал? – приветствовала его Улита.

– Вах! Откуда про мэня знаешь? – встревожился джинн.

– Я про тебя все знаю. Все твои проделки! Глаз с тебя не спускаю, изменщик коварный! – сказала Улита.

Джинн смутился и, хотя существовал только до пояса, ниже пояса превращаясь в струйку дыма, принялся подтягивать штаны.

– Что за книжонки привез? – поинтересовалась Улита.

– Нэ знаю. В Канцелярии сказали «нэси» – я нес. Со всех ног лэтел! Так лэтэл – прям вэтер в мэнэ дул! – отвечал джинн, обволакиваясь вокруг Улиты шлейфом молочного дыма. Его выпуклые глаза маслянисто поблескивали.

– Но заскочить за чебуреками это тебе не помешало! А, Омарчик? – продолжала насмехаться Улита, одаривая его дразнящей и вместе с тем бесконечно спокойной улыбкой кустодиевской красавицы.

– Зачэм за чебурэками? – оскорбился Омар. – К тэбе одной летел! Как тэбе зовут?

На мятом лице джинна появилось выражение человека, случайно забывшего о какой-то своей заслуге и теперь внезапно спохватившегося и вспомнившего о ней.

– Сейчас вспомнишь, как тебе зовут, как мэнэ зовут! – пригрозила ему Улита.

– Улита, кто там? Курьер? Я его жду! – донесся требовательный рык Арея.

Джинн всполошился и заспешил, толкая тележку рыхлой грудью. В отличие от Улиты, Арей сразу разобрался, какие книги доставил курьер.

– Меф! Иди сюда! Лигул прислал новые учебники! – крикнул он.

Выразив одной емкой гримасой все возникшие у него по этому поводу чувства, Меф скрылся в кабинете. Улита и Даф остались в приемной вдвоем.

– Чего ты кокетничала с этим джинном? А как же Эссиорх? – с обидой за своего хранителя спросила Даф.

Улита удивленно заморгала.

– Кто кокетничал? Я? Ты о чем? Это так, мелочи: типа как новую ручку расписываешь на бумаге – проба лопат и карандашей... Что такое джинн? Смазливый радостный дурачок. Сегодня Омара, завтра Юсуфа, а послезавтра Али пришлют... А Эссиорх – это другое, настоящее. Я ведь Эссиорха за что, может, люблю? Он такой весь чистенький, стерильный, прям как из аптеки!

Даф наклонилась и осторожно коснулась губами лба сидящей ведьмы:

– Жара как будто нет. Во всяком случае, я его не наблюдаю.

– Ты не понимаешь, светлая! Ты еще маленькая!

– Пусть маленькая. Разве я спорю? – мягко согласилась Даф, вспоминая, какая сырость была во время Всемирного потопа.

– Пройдет лет тридцать, и люди вообще не смогут касаться друг друга! – продолжала Улита. – Будут приходить друг к другу в гости и сразу сканировать на компьютере сетчатку глаза. А компьютер будет говорить противеньским голоском: «Герпес – у номера 1. Гепатит-С – у номера 2. Степень опасности – А. Можете взяться за ручки и посидеть на диване!» Или: «У номера 1 – аллергия на попугайчиков и изжога, у номера 2 – плоскостопие и стригучий лишай на правой передней части левой задней конечности. Степень опасности – В. Можете поцеловаться через специальную пленку».

– Что-то у тебя все мысли об поцеловаться, – сказала Даф. Ведьма кивнула.

– Есть такой момент в личной жизни. Сплошная филематология.

– Что, прости?

– Правильное название поцелуя как процесса – филематология... Я женщина скромная, но филематологично зависимая. И вообще один короткий «чмок» сжигает пять калорий, а минута ходьбы всего четыре! Ну а о том, что приятнее, вообще вопрос не встает, – продолжала Улита.

– Ты просто как Меф. Разве недостаточно общаться просто глазами? Взглядом можно сказать гораздо больше, – ска-

зала Даф.

Теперь уже Улита коснулась губами ее лба.

– А вот теперь жар у тебя! Мы передаем его друг другу как эстафету! – сказала она убежденно.

* * *

Мефодий с тоской посмотрел на вокзальную тележку с книгами. Книги громоздились по двадцать штук десятью рядами, и если не падали, то лишь потому, что удерживающей их магии эта идея не казалась блестящей.

– И это все мне? – спросил Меф.

Арей потер рукой разрубленную переносицу.

– Думаю, что лишь первая партия. Полная библиотека Тартара несколько больше. По самым скромным подсчетам, раз эдак в миллион.

– И что я должен сделать со всеми этими книгами? – продолжал допытываться Меф.

Арей молчал, и у Мефодия возникло нехорошее ощущение, что он уже получил ответ. Меф неосторожно коснулся одной из книг, и с ее страниц на пол закапала кровь. Другая книга, Меф это точно видел, заложена была желтым пальцем с грубым, как панцирь черепахи, ногтем.

– Некоторые читатели ошибочно думают, что это они заглатывают книги. На самом деле это книги заглатывают их, – пояснил мечник.

– Угу... Я так и понял, – сказал Меф, пытаюсь не смотреть на палец. Ему казалось, что тот шевелится. Арей нахмурился.

– Мрак смотрит на тебя с надеждой и ожиданием. А что ты умеешь? – продолжал Арей.

Не меняясь в лице, он едва заметно моргнул левым глазом, и тотчас за спиной у Мефа возник двойник Арея с коротким кривым кинжалом. Он коротко шагнул и ударил, метя под лопатку.

Не оборачиваясь, Меф сомкнул руки и мгновенно окутался плотным фиолетовым полем. Приняв и отразив удар кинжала, поле сформировалось в узкий луч и мгновенно, не дав двойнику разорвать дистанцию, атаковало его в горло. Пронзило шею и вышло сзади. Двойник Арея грузно упал и исчез. Меф даже не обернулся. С недавних пор он видел все, что происходило за его спиной.

– Дилетантство! Ты позволил ему ударить себя! А не должен был дать вообще замахнуться! Будь там не жалкий клон, а я сам, одним недоучкой на свете стало бы меньше, – раздраженно сказал Арей.

– Ну не все дерутся так, как вы! – заметил Мефодий.

Арей нахмурился. Неведомая сила отбросила Мефа на стену. Он даже не успел сгруппироваться. От сильного удара перехватило дыхание. Перед глазами запуржили темные точки. Меф стремительно вскочил, готовый защищаться. Правило первое: «Когда тебе больно, не подавай виду, потому

что когда добивают, это еще больше».

Повторной атаки не последовало.

– Ненавижу лезть, особенно если она граничит с хамством! – произнес мечник.

– Почему с хамством?

– Не все дерутся так, как я? Вслушайся и пойми, что ты сказал! НИКТО НЕ ДЕРЕТСЯ ТАК, КАК Я! – рявкнул Арей.

Меф внутренне улыбнулся, внешне сохраняя почтительный вид. Он знал, что если губы его хотя бы немного шевельнутся, выдавая улыбку, Арей снова его ударит. Самолюбие – один из пунктиков стражей мрака. Каждый страж считает себя первым хотя бы в чем-то. Пусть даже в одной бесконечно узкой и даже где-то скользкой области, вроде режиссуры женских снов.

Но мечник мрака уже утих. Он был столь же отходчив, сколь и вспыльчив.

– Малютка Лигул, да хранит мрак его благородный горб!.. – Арей поклонился парадному портрету Лигула, который передернулся от такой наглости, – считает, что твои занятия в теперешнем их виде не дают эффекта. Чему можно научить человека, который бежит от знаний, как от бешеной собаки? Отныне, синьор помидор, ты будешь заниматься исключительно самообразованием.

Меф просиял. Ура! Самообразование! Больше никаких плохо прожаренных учителей из Тартара! Никаких заикающихся духов, разложившихся профессоров юридического

права и тоскливых лекций от полуночи и до первых петухов. «Где они только выкапывают таких педагогов?» – вздыхал иногда Меф. «А вот этого тебе лучше не знать!» – говорила Улита, косясь на комнату, где у них лежали лопаты.

И хотя теперь Меф старался, чтобы лицо его осталось равнодушным, каким оно и должно быть у истинного стража, от Арея ничего не укрылось.

– Ты рад? – удивился он.

– Правда, больше никаких уроков и лекций? – выпалил Меф.

– Я же сказал. Так ты рад?

– Служу мраку! – отрывисто выкрикнул Меф. С недавних пор он усвоил, что Арей любит мужские ответы – ясные и четкие, несколько с армейским уклоном.

Однако мечник в данный момент не был настроен на муштру. Его узкие глаза смотрели на Мефа, пожалуй, не без сожаления. Правая бровь ближе к виску была рассечена давним сабельным ударом.

– Ну служи, служи!.. – загадочный прищур. – Но на твоём месте я бы не радовался. Посылая эти книги, крошка Лигул оказал тебе услугу сомнительного свойства. Хотя, сдается мне, что других услуг он никому и никогда не оказывал.

– Почему сомнительного?

– Посмотри на переплеты книг. Ты не замечаешь ничего подозрительного?

Меф посмотрел, стараясь думать, что кожа, которой они

обтянуты, все-таки телячья. Хотя бывают ли у телят заросшие ножевые шрамы? В центре каждого переплета помещалась жирная руна, похожая на раздавленного, но еще живого жука, вяло шевелящего лапками.

– Везде одна и та же руна... Недавно начертили, да? – спросил он.

– Именно, запомни ее хорошо. Мы в свое время называли ее «руной выпотрошенного школяра». Всякий раз, как ты не сделаешь домашнее задание или будешь читать книгу невнимательно, пропуская строки, руна выпотрошенного школяра сделает тебе, скажем так, замечание.

Руна нетерпеливо зашевелилась. Было похоже, она готова сделать его прямо сейчас, не дожидаясь начала занятий.

– Выпотрошит? – забеспокоился Мефодий.

Арей смягчился.

– Выпотрошит, конечно, сильно сказано. Твои внутренности останутся на месте, но ощущение при этом будет такое, будто они уже готовы тебя покинуть. Я бы даже сказал, что у тебя волей-неволей проявится... э-э... болезненный интерес к учебе... В общем, отныне и до тех пор, пока все эти книги не будут прочитаны, четыре-пять часов здорового чтения в день тебе обеспечены.

Мефодий посмотрел на портрет Лигула. Он был уверен, что научился контролировать свои эмоции и внешне ничем себя не выдал. Арей, однако, оказался прозорливее.

– Но-но, мягче на виражах, синьор помидор! Конечно, по-

лезно поедать начальство глазами, но перед этим его лучше оглушить. Вживую это слишком болезненно. Не правда ли, братец Лигул?

Лигул на портрете поморщился, будто выпил разбавленного уксуса и закусил трухлявым грибом. Меф в который раз задумался, что заставляет горбуна мириться с существованием Арея? Должно быть, глава Канцелярии мрака исходит из того, что Арей – фигура карьерно и политически несуществующая. Это кувалда, которой можно лишь просаживать стены. «Ничего, – говорит себе Лигул, – еще немного, и я заменю его кем-то другим». Однако время идет, а надобность в кувалде не пропадает. Да и кому бедняга Лигул может верить абсолютно? Не тем же льстецам из его Канцелярии, что, внешне истекая сахарным сиропом, готовы сплясать лезгинку на его трупе.

Неожиданно дверь распахнулась, и из приемной в кабинет, рыдая, ворвался Тухломон. Улита и Даф пытались его задержать, однако страдающий Тухломон был неостановим, как летящий под горку отцепившийся вагон. Дафна и ведьма-секретарша только и смогли, что вбежать следом за ним.

Комиссионер был весь в расстроенных чувствах. Красный нос его шмыгал. Из глазок мутным водопадом извергались слезы. Воду для слезок Тухломоша, видимо, брал непосредственно из крымского водопровода, потому что она была ржавая.

– Короче! – рявкнул Андрей прежде, чем Тухломон успел

открыть рот.

Комиссионер не обиделся. В том месте, которым другие обижаются, у него, по всем признакам, высверлена была большая дыра.

– Я... – начал он.

– Без «я»! Короче!..

Тухломон с интересом уселся на тележку с книгами.

– Куда уж короче, начальник?.. Краткость – любовница спартамца! Первые двадцать томов за полцены!

Арей вопросительно покосился на Мефа. Тот пожал плечами.

– Ну хорошо, давай длинно! – сказал мечник мрака устало.

– Возвращаюсь я сегодня с работы...

– Ты у нас еще и работаешь, трудяга? Я думала, ты больше по части эйдосов промышляешь, – перебила Улита.

Тухломон одарил ее смиренной улыбкой.

– Ах, матушка, пчелку-то крылышки кормят! А когда времечко свободное выдастся, хоть с часок, помогаю сектантам раздавать листовочки о конце света и спасении души. Больше всех раздаю, между прочим! В пример меня ставят другим раздатчикам!..

Арей нахмурился.

– ТЫ? О спасении? С какой стати?

– Так сектантам же! Выгодное дельце, командир! Истерия есть – есть! Вопли есть – есть! Значит, наши они со всеми

потрохами. Так уж радуются, что никто другой не спасется и только они одни запрыгнут в трамвай... Многим не столько самим спастись хочется, сколько других наказать. Прямо трясутся все и конец света едва не пинками торопят! Тут если с умом, эйдосы можно лопатой загребать.

Поняв, что случайно ляпнул лишнее, Тухломон тревожно оглянулся. В темных углах ему мерещились гнусные конкуренты.

– Ну, рассказываю дальше! Возвращаюсь и вижу: старушка у мусорника! Одета чисто, в платочке такая вся. Стоит и лыжной палкой мусор разгребает. Я подхожу, а она: «Нет ли бутылочек, сынок?» Я такой весь смутился, смотрю и – нате вам! Счастливое совпадение! Десять пустых бутылок!

– Чисто случайно, конечно, – подсказал Арей.

– Ну, конечно, случайно! Как же иначе может быть? У меня печень больная, мне минеральную воду каждый день надо! А то я, может, помру, – завопил Тухломон и, жалея себя, залился слезами.

Даф улыбнулась.

– Ты рассказывал про старуху! – напомнила она.

– А, да... Я остановился, посмотрел на старуху и вдруг как упаду на колени и как закричу: «Мать, да я такой же, как ты! Простой хороший парень! Милая ты моя мать! Дал бы тебе денег, да ведь не возьмешь! Оскорбишься! Не нищенка же ты! Труженица! Молиться на тебя надо!» Кричу, а сам к ней на коленях ползу!

Тухломон рванул рубаху на груди. Бережно рванул, заботясь о пуговках. Мефодий с интересом посмотрел на его грудь. Довольно часто на гладкой, безволосой груди Тухломона можно было увидеть интересные татуировки. Рисунок и текст татуировок мог меняться в зависимости от целей и настроений комиссионера. От пошлых русалок и «Вера, не сучай!» до китайских драконов.

Даф стало противно. Тухломон вызывал у нее странное чувство: смесь брезгливости и дикого любопытства. С таким чувством выпускницы Смольного института, вероятно, глядели бы на голого, с разбитым лицом пьяного, которого тащит куда-то за волосы городской.

– Ползу я на коленях, ползу... – продолжал Тухломон.

– Бутылок-то не дал, конечно? – прозорливо перебила Улита.

Недовольный, что его прервали, комиссионер перестал рыдать и, икая, замотал головой.

– Нет. Там же и перебил все! Вдребезги! – едва выговорил он, растирая по лицу слезы.

– И эйдоса она тебе своего не отдала! – подсказала Улита.

Лицо комиссионера перекосилось. Он упал и стал биться об пол, сминая лицо. Он всегда так наказывал себя, когда ему не удавалось завладеть тем единственным, чего он желал острее всего на земле.

– Ненавижу! Не отдала, дура старая! И зачем он ей? У самой небось весь матрас мелочью набит! На миллионы долла-

ров!

– На сколько? Да нет там у нее ничего! – усомнилась ведьма, наделенная даром прозорливости.

– А ты не суйся, тебя не спрашивают! Знаем мы таких святош, а-а! Все копят и копят!.. И ведь еще спасется, корова, к свету примажется! А-а-а! – прошипел Тухломон.

Он еще хотел что-то добавить, но внезапно увидел перекошенное лицо Улиты и заткнулся. Причем не только заткнулся, но и пискнул от ужаса. Разгневанная ведьма шагнула к нему.

– Так тебе и надо, сволочь! Перекантуется твой мрак и без ее эйдоса! – зло сказала она.

Тухломон перестал биться головой и, заморгав злыми внимательными глазками, достал из воздуха блокнот.

– Как ты сказала, секретарша? Чей-чей мрак? Продиктуешь? – спросил он.

Улита наклонилась к нему. Ее глаза зловеще сузились.

– Зачем диктовать? Давай я сразу напишу! Своим почерком! – предложила она свистящим шепотом и протянула руку за карандашом.

Комиссионер слишком хорошо понимал интонации. Не умея он вовремя остановиться, жизнь давно размазала бы его по стене тонким слоем пластилина. Тухломон покосился на ведьму, на Арея, вздохнул, пожевал губами и торопливо проглотил карандашик, который в противном случае воткнулся бы ему в ноздрю или в глаз.

– И что вы все на меня набросились? Я просто так, для души хотел записать! Отслеживаю рост мировых цен на кефир! И вообще я, может, поэт? – пискляво пожаловался он.

Улита шагнула к нему.

– Не подходи, противная! Я чудовищно опасен! У меня черные кружевные трусы по карате! Бойся меня! Мой де-душка плевался ядом! Моя бабушка была психопатка! У меня ноги по уши в крови! – пискнул Тухломон.

Прямо из воздуха он извлек пластмассовый меч и изобразил стойку бешеной обезьяны на цветке ромашки. В другой раз это, возможно, и помогло бы ему выкрутиться, но не сейчас. Арей нетерпеливо посмотрел на дверь, и она распахнулась сама собой.

– Прочь! Надоел! – приказал он.

Едва услышав голос Арея, Тухломон моментально перестал придушиваться и стал деловитым.

– Мне нельзя прочь! Я, между прочим, письмецо принес! От Лигула! – заявил он, кланяясь портрету куда подобострастнее, чем это сделал недавно Арей.

Мечник недоверчиво поставил ногу на тележку с книгами.

– От Лигула? Снова?.. Только что от него был курьер! – недоверчиво сказал он.

Тухломоша захихикал. Зубки у него были мелкие и проеденные. Каждый зубик – новая страница в истории кариеса. Ходили слухи, будто трудолюбивый Тухломон разрабатывает для смертных новые разновидности стоматологических

заболеваний.

— Вы такой наивный, командир! Кто же передает действительно важные письма с курьером? Курьера могут перехватить златокрылые, и вообще ненадежный это народец. Ох, ненадежный!

Комиссионер сунул руку в карман брюк. Видно было, как пластилиновая рука волнами удлинняется и, закручиваясь петлями, шарит по туловищу. Пару раз рука выныривала в ворот и скребла пальцами шею.

— Где же письмецо? Неужели потерял?.. — кокетливо пугался он. — Фу ты, ну ты!.. Ух ты, батюшки, вот!

Тухломон извлек маленький, совсем нестрашный с виду конверт с банальным штампом почтового отделения и протянул его Арею. Однако едва пальцы стража коснулись конверта, он превратился в длинный серый пергамент.

Арей пробежал его глазами. Похожая на шрам складка рассекла его мясистый лоб. Он опустил руку с пергаментом, постоял с минуту в задумчивости и прочитал пергамент вновь, на этот раз гораздо внимательнее. Сделав это, мечник медленно разорвал пергамент и швырнул его в услужливо вспыхнувший огонь. Перед этим он пинком вышвырнул за дверь Тухломона, который навязчиво ошивался у него перед носом.

Мефодий услышал, как, глядя на огонь, Арей процедил сквозь зубы:

— К этому все и шло... Меф, помнишь наш с тобой разго-

вор в присутствии Аиды? Поторопись!

Затем он как-то странно, очень странно посмотрел на Даф. Дафне показалось, что она заглянула в глубокую, бесконечно тоскливую бездну. Тот, кто служит мраку, никогда не бывает весел. Если только это не судорожное веселье забвения, не пир во время чумы и не хохот на могилах.

– О чем ты думаешь, светлая? – резко спросил он.

– Вы действительно хотите знать? Я думаю о Тухломоне. Чтобы такая дрянь тебя уважала, нужно самому стать такой же дрянью, а я не хочу...

Арей усмехнулся.

– Ты это серьезно? Зачем тебе это? Уважение – язык общения с равными. Для рабов и негодяев существует плетка.

– Я так не хочу.

– Цыпленок тоже не хотел становиться грилем, да только его спросить забыли, – ответила бойкая на язык Улита.

Глава 2

Суровые будни гламурного котика

Жил-был заяц. Порой он хорохорился и мечтал победить льва.

– Вы только посмотрите на эту тупую гривастую скотину! Если бы он не был так велик, я раздавил бы его одной лапой! – говорил он зайчихам.

Зайчихи слушали невнимательно – у них были свои заботы.

Однажды ночью заяц отправился к людям воровать с грядок капусту и вдруг... Да, это была новенькая боевая граната. Она лежала в колее от автомобильного колеса.

– Вот она: сила! Я убью льва и сам стану царем зверей! – размышлял заяц.

Заяц поднял гранату и отправился искать льва. Льва найти легко, если ищешь по костям. Лев лежал в тени и был не в духе. Он недавно проглотил целиком антилопу, и ее рога кололи ему желудок. Да и вообще лев был уже стар и надоел сам себе.

– Я убью тебя и стану царем зверей! – слегка заикаясь, крикнул заяц.

Лев приоткрыл один глаз.

– Валяй! – сказал он. Заяц стал дергать чеку.

– Что, лапки слабые? Попробуй иначе, – посоветовал Лев. – Прижми ее грудью, возьми кольцо в зубы...

Заяц, трусливо косясь на льва, так и сделал.

– Но подумай вот о чем, заяц, – продолжал лев. – Если граната взорвется, погибну не только я. Готов ли ты умереть вместе со мной? Смерть так черна, смерть так страшна...

Заяц представил себе смерть. Не будет ни зайчих, ни моркови, ничего не будет. Зайцу стало так жутко, что граната сама собой вывалилась из его лапок.

Лев, скучая, зевнул, и на миг стала видна антилопа, лежавшая у льва в желудке.

– Не тот силен, у кого есть граната, а кто готов умереть, – сказала антилопа.

Она потому и оказалась в брюхе, что всегда выкладывала общеизвестные чемоданы вместо того, чтобы смотреть по сторонам.

Басня про зайца

Темное и мрачное утро, хотя и не раннее. Часов около одиннадцати. В щели с улицы ползет сырость. Мрак, как всегда, слишком занят, чтобы заморачиваться такими мелочами, как плохо подогнанные окна. Угрюмо косясь на руну выпотрошенного школяра, Меф сидит в кресле, закутавшись в плед. Сбоку кресла, на полу стопкой громоздятся книги. Дойдя до конца страницы, Меф пробегает ее глазами еще дважды и лишь убедившись, что все понял, переворачивает. И всякий раз внутри у него на мгновение все замирает.

Вчера он уже поплатился за невнимательность. Пропустил строчки в начале страницы и, попытавшись перейти к следующей главе, пять минут катался по полу со страшной резью

в желудке. Ему казалось, что в его живот пробрался суслик и деловито устраивает там норку. Лишь когда прибежала Даф и коснулась его лба рукой, боль утихла, но Меф еще долго лежал на полу, приходя в чувство.

После Меф раз десять прочитал две пропущенные строки, пытаясь понять, за что он был наказан. Строчки были такие: «В крайностях нет середины. Мрак должен быть мраком, свет – светом».

Ну и что? Это и так очевидно. Меф даже обиделся. Вот она – забота Лигула. Не хочешь слушать лекции – не надо. Экзаменов и сессий тоже не надо. Просто почитай книжечку, если будет время. Система столь же добровольная, сколь и принудительная.

Пока Меф с тоской забивал голову тяготящими его знаниями, внизу, в приемной, кипела жизнь. К Мефу заглянул Чимоданов, деловитый, как навозный жук. Он долго смотрел на Буслаева, стоя в дверях, затем спросил:

– Меф, а Меф, ты никогда не задумывался: какие у крысы шансы спастись с тонущего корабля?

– Не-а.

– А я сам не знаю почему, но иногда прикидываю. Вплыв? Бесплезно. Залезть в шлюпку? Заметят и вышвырнут.

– И что ты в результате придумал?

– Прыгнуть в бочку с овсянкой и хорошо загерметизироваться. Как тебе такая мысль? Вроде как отсидеться в бункере, а?

– В бочке не отсидишься. Жвачка закончится, и кирдык... Крысы должны вычерпывать из трюма воду вместе с матросами. Это единственный выход, – не отрываясь от книги, сказал Меф. Он умел быстро просчитывать варианты.

Чимоданов так не считал, однако тема себя уже явно исчерпала.

– А... Ну разве только так! – протянул он и снова мучительно задумался о чем-то. Как оказалось, уже не о крысах.

– Кстати, знаешь, как сделать военное мыло? – спросил Петруччо пять минут спустя.

– Ну и как?

– Надо утопить дохлого ежика в каустике! – произнес Чимоданов с видом человека, доверяющего сокровенную тайну.

– А что такое каустик?

– Вот это я и собираюсь выяснить, – сказал Чимоданов и ушел.

Меф проводил Чимоданова рассеянным взглядом. Чимоданов как личность въедливая и склонная к бюрократии хорошо прижился в резиденции мрака. Даже Тухломон его по-своему уважал. Петруччо вполне способен был выдать нечто в духе:

– Это что такое?

– Лопата.

– Сам вижу, что лопата! А где инструкция по эксплуатации?

Следом за Чимодановым удалился неразлучный с ним Зудука. Вид у Зудуки был такой смиренный, что после его ухода Меф не слишком удивился, обнаружив, что он ухитрился поджечь обои и нацарапал после имени Мефодия три из четырех букв известного слова. Четвертая буква пока отсутствовала, но Меф знал, что Зудука обязательно вернется, чтобы ее дописать. Он не любил незавершенных дел.

«Приличные люди на заборах не читают – приличные люди на заборах пишут». Чимоданов был ходячей иллюстрацией этого тезиса.

Для того чтобы сделать возвращение Зудуки запоминающимся, Меф усилием мысли перенес из ближайшего гипермаркета крысоловку. Последнее время телепортации удавались ему все лучше. Не считая, правда, случая, когда, выполняя просьбу Чимоданова раздобыть где-нибудь соломинку, чтобы поковырять в ухе, Меф случайно перенес в резиденцию столб с болтавшимися проводами. Меф не виноват, что, представляя поле, он невольно представил и дачный поселок Мухино, где они с Зозо как-то провели лето с одним из очередных «папов», а раз представил поселок, то представил и ведущую к нему линию электропередачи.

Наконец с сегодняшней нормой занятий было покончено. Руна выпотрошенного школяра на переплете временно погасла. Меф встал и без особого желания подошел к турнику (*гордость дикаря! собственноручно вбитая в стену длинная труба*). Подтянулся вначале пятнадцать, затем двенадцать, и

три раза по восемь раз. Закончив подтягиваться, он простоял требуемое количество времени на кулаках и удовлетворенно поставил себе в тетради плюс.

Он хотел уже закрыть тетрадь, когда у него внезапно появилось желание сделать одну запись. Вспомнив, что сегодня 30 января, Меф быстро записал в тетради: «30 я». Это могло означать как «тридцать я» (*хм, офигительно тяжелая форма шизы!*), так и «тридцатое января». Правда, в данном случае смысл был очевиден.

Кстати, если уж начались всяческие отступления, дневник ведет не один Меф. Свой дневник есть и у Дафны. Это записная книжка, которая при необходимости извлекается из кармана рюкзака, где в остальное время находится постоянно. Тухломону и иже с ним в записную книжку лучше не заглядывать. Один суккуб, наглый и любопытный, как все суккубы, все же сунулся и теперь, говорят, уже на пути к выздоровлению. К концу года вновь научится говорить, а еще через год – читать, при условии, что по картинкам можно будет догадываться, где слон, а где собачка.

Дневник Даф состоит в основном из существительных. Это насущные и часто скучные дела, которые нужно сделать, список предстоящих покупок и так далее. Когда дела сделаны, они без сожаления вычеркиваются из списка. А вот и сама запись, сделанная *currente calamo*.¹ Как исключение, в ней довольно много глаголов.

¹ Беглым пером, наспех (лат.).

Ради интереса сравним записи в тетрадах Мефа и Дафны. Причем любопытнее будет взять какой-нибудь один, пусть даже осенний день.

Дневник Даф

«5 окт.

Зубная паста. Шампунь. Ради прикола самоучитель игры на поперечной флейте (зачеркнуто).

Комб. для Дпрс. (нарисован котик и виселица. Видимо, кот окончательно утомил Даф своей привычкой сдирать комбинезоны).

Старая школа М.

Совсем запуталась. Любовь – это волны: нахлынула – отхлынула. Но даже когда волн нет и море спокойно, близкое присутствие океана ощущается. И вообще, недавно Улита хорошо сказала, что любовь начинается не с размышлений, подходит тебе человек или нет, а с чужих грязных брюк, которые ты начинаешь зачем-то стирать в своей новенькой машинке.

*Est mollis flamma medullas intere, et tacitum vivit sub pectore vulnus.*²

З.Ы. Я в панике. За осень я выросла на 2 см. Раньше мне для этого потребовалось бы (зачеркнуто много раз) ...»

² Тонкий пламень сжигает самые кости, и живет под грудью тайная рана (лат.). Вергилий, «Энеида».

А вот **дневник Мефа** – тетрадь большого формата с пружинным переплетом. Меф ценит только такие тетради. Все остальное, по его мнению, – издевательство.

«5 окт.

Вчера у меня выдалось свободное утро, и я решил заглянуть в свою бывшую школу. Со мной были Даф и Депресняк. Депресняк хорошо поел, подрался, мимоходом женился и был в хорошем настроении, как кот, получивший все возможные удовольствия. Его хорошее настроение выражалось в том, что он свисал с плеча у Даф и дрых без задних лап.

Когда он так спит, на нем можно зеленкой написать слово «баю-бай!» – не проснется. Разве только учует запах селедочной головы. Селедочные головы – это его пунктик, даже если обычные коты на них давно не смотрят. Депресняк же готов мусорный контейнер прогрызть, если там на дне хотя бы жалкий селедочный глаз, не говоря уже о всей голове. Есть он их, правда, не ест. Только таскает.

В общем, пришли мы в мою школу. Теперь у входа там стоит охранник – крутой такой кадр лет шестидесяти, с дубинкой, с баллончиком, с наручниками, с кобурой. При мне я не помню, чтобы школа так охранялась. Просто сидел за столом мужик какой-то и все беспокоился, чтобы у него газету с кроссвордами не уперли.

На школу никто особо не нападает, и кадр от нечего делать не пускает в школу родителей. Только родители

все равно прорываются. Соберутся мамочки толпой человек в пятнадцать и сметают его вместе с желтыми листьями. А старичок и сделать ничего не может. В кобуре у него бутерброды.

Нас с Даф он пропустил. У него зрение так отфильтровано, что тех, кто младше семнадцати-восемнадцати, он не замечает. Проходи хоть весь район. А вот если бы бабка какая-нибудь была, из тех, что прибегают первоклассникам носы вытирать, тут все: «Стой, бабка! Оружие – наркотики – взрывчатка есть?»

Мы с Даф посмотрели расписание и поднялись на третий этаж, к кабинету математики. У кабинета скитался Боря Грелкин. Он сломал крайнюю фалангу среднего пальца на правой руке, и ему наложили гипс. В школу ходит, а писать – нельзя. На случай, если кто-то из учителей будет настаивать, он себе справочку заламинировал. Математичка бездельников терпеть не может и гонит его в коридор.

Грелкин сказал, что, когда гипс снимут, он попросит, чтобы ему капли глазные прописали. Он узнал, есть такие капли, когда читать нельзя: буквы расплзаются и все видно только в лупу. Он все уже продумал: справку возьмет, а капать не будет. Все-таки удобно, когда у тебя тетя – участковый врач.

Когда урок закончился, все хлынули в коридор. Парни нас сразу окружили, даже те, с которыми я раньше особо и не контактил. Начались обычные расспросы: «Как ты? Как дела?» Девчонки особенно не здоровались и держались в стороне. Только одна или две

подошли, но Даф убеждена, что это ровным счетом ни о чем не говорит. Это чисто женское. Они друг на друга даже и не смотрят, а все равно спиной видят. Это только девушка может догадаться высматривать вас в стекло, где отражается отражение из еще одного стекла.

– А почему они все в куче стоят и шепчутся? – спросил я.

Даф предположила, что это обычная реакция женщин племени на всякую нестандартную ситуацию. Если в пещере появляется тигр, они сбиваются в кучу, выталкивают к нему зазевавшегося старичка, чтобы проверить зверя на хищность, и ждут развития событий. Если события развиваются неблагоприятно, то вперед постепенно выталкиваются старушки, и так, пока зверь не насытится.

– А что же храбрые охотники? – спросил я.

– Храбрые охотники спорят, кто первый проявит чудеса героизма, и уступают друг другу честь бросить копье первым. Зато если тигр умрет, подавившись старушкой, вождь непременно напаялит его шкуру. На вопросы других вождей он будет многозначительно отмалчиваться или, отрывая комарам крылышки, рассуждать о преимуществах каменного топора в сравнении с дубиной...

Тут Даф спохватилась, что у нее потемнеют перья, и замолчала. С ней вечно так: ляпнет что-нибудь, а потом мучается, хорошо это было или плохо с нравственной точки зрения.

Одна девчонка, Алиса, которую я когда-то раза два

проводил домой и один раз даже ел у нее в гостях котлеты, подошла ко мне и сказала:

– Чего не звонишь?.. А это еще кто? Привет!

Если бы можно было убить словом «привет!», то Даф была бы убита наповал. Однако она выжила.

Даф, как всегда, была спокойна, как богиня. Гладила кота и всем улыбалась, приветливо, но без заискивания. Когда один болван спросил, в каких мы с ней отношениях, она сказала, что она моя дочь от первого брака. К слову сказать, болван этот и полтора года назад был болваном. Видно, это лечению не поддается.

Откуда-то образовалась Галина Валерьевна, завуч. Яркая личность. Слышит только себя, но все обо всех знает. Я думал, она уже и забыла, кто я такой. Ничуть. Обежала вокруг меня раз десять и очень громко сказала:

– Я тебе так завидую! О тебе знает вся наша школа! Ты учишься в гимназии самого Глумовича, знаменитого педагога-новатора, и имеешь возможность впитывать его гениальные методики!

Даф даже поперхнулась. Учитель-новатор! Это о Глумовиче! Да этот новатор двадцать окурков съест с кашей за милую душу, только ногой топни.

– Глумович рассказывал о тебе на недавнем совещании в министерстве. Приводил тебя в пример, как личность, способную к самостроительству... Я рада, Буслаев! Очень рада и горда! – продолжала Валерьевна.

Я испугался, что это никогда не закончится, но тут на втором этаже какой-то юный гений вбежал головой

в стекло, и Галина Валерьевна умчалась вручать ему за это орден.

Даф потом не верила, что юный гений сделал это сам. Утверждала, что я виноват. Если не сознательно, то бессознательно, просто потому, что мне хотелось, чтобы завуч ушла. «Ты когда людям на ноги смотришь, они уже спотыкаются», – сказала она.

Тут снова прозвенел звонок, и все наши поплелись на биологию. Мы не стали ждать новой перемены и ушли. Я уже вроде как утолил любопытство.

На обратном пути Даф была не слишком веселой. Она все никак не может привыкнуть. Говорит, странно все у нас, у людей. Мелкие мы, суетливые, зажатые, без полета... Политики, музыканты, актеры, олигархи – вроде бы первые люди, а ведь на всех и эйдоса целого не наскребется. Все сто лет назад продано, и даже дыра заложена. Лет же через ...дцать или ...сят, когда можно будет оценить работу поколения, пройденный нравственный путь и так далее, первой окажется безызвестная Марья Николаевна, которая всю жизнь проработала нянечкой в интернате и о которой никто никогда и слыхом не слыхивал.

Причем даже и про Марью Николаевну накопиют, что она порой ворчала и иногда таскала домой казенное хозяйственное мыло. Но это все мелочи. Идеал потому и идеал, что недосыгаем.

Душа человеческая как яблоко – с одного конца растет, с другого ссыхается. В ней все, что угодно – и пропасти, и провалы, и старые шрамы. Она и всесильна,

но она же и беспомощна, и наивна, и глупа. Иногда она движется вперед, иногда откатывается. И тогда эйдос погибает...

Вечером играли с Даф в карты на поцелуи. Если я выиграю – я ее целую, если она – то никто никого. Я победил Даф восемь раз подряд. Вот что значит логика и жесткое мужское мышление! И чего Улита врет, что стражи, даже светлые, хорошо играют во все азартные игры?»

Но эта запись длинная и не совсем типичная. Сегодняшняя запись в дневнике Мефа гораздо более краткая:

«30 я.

Человек с занозой в ноге может думать только про занозу в ноге. На красоты природы и на Млечный Путь ему в этот момент плевать. Я могу думать только о той валькирии. Она стала моей занозой.

Арей молчит, но я чувствую, что он ждет».

* * *

Ната разглядывала бело-синего, голого, похожего на эпиглированную курицу, Депресняка. Выгнувшись, кот брезгливо вылизывал кожистое крыло, настолько прозрачное, что видны были все вены.

– Гламурный у тебя котик! – с насмешкой сказала Ната.

– Да уж, гламурный! Мертвец с содранной кожей и тот

гламурнее, – пробурчала Даф.

Она не воспринимала Нату в той же степени, в которой сама Ната не воспринимала Даф. Они были слишком разные и абсолютно несовместимые. Даже полукопченая колбаса и шерстяной носок – и те, встретившись, обнаружили бы больше общих интересов.

Многokrатно Даф, склонная к анализу и самокопанию, задумывалась, почему она не любит Нату, но так и не пришла к окончательному выводу. Должно быть, Ната, выверенная до последнего штриха, с отточенными улыбочками, закаленным эгоизмом и косметикой, наложенной уже в семь часов утра, для нее была слишком искусственна.

Даф посмотрела на Улиту. Откинувшись в кресле, ведьма забросила ноги на стол и задумчиво ловила лезвием шпаги отблески свечей. Доносы лежали неразобранные.

– Наверное, не стоило надуваться большим количеством кофе с утра. Теперь у меня в голове порхают мотыльки, и работать совсем не тянет, – пожаловалась ведьма.

– А что, бывают дни, когда тебя тянет работать? – усомнилась Даф.

Ведьма не ответила. Скорее всего потому, что не слышала вопроса. Даф с удивлением взглянула на нее. Улита улыбалась вымученно и замороженно, что было ей вообще-то несвойственно.

– Ау! О чем ты думаешь? – спросила Даф.

– Мечтаю, чтобы все мои враги набились в две машины,

которые бы врезались в центре перекрестка. А я стояла бы на светофоре и ела мороженое с вишневым наполнителем!

– Сразу видно, что ты темная. Светлая мечтала бы не так. Она мечтала бы, чтобы ее враги раскаялись и пришли к ней просить прощения! – сказала Даф.

– Ага! А потом уселись бы в две машины и врезались в центре перекрестка! – мстительно закончила Улита.

– Да что с тобой такое? – спросила Даф участливо. С Улитой что-то творилось. Не надо было быть стражем света, чтобы это заметить.

– Проклятье! Эссиорх! Мы с ним позавчера поссорились. Я его ненавижу!

– Ты поссорилась с Эссиорхом? С ним же невозможно поссориться! – не поверила Даф.

Натянутая улыбка Улиты стала похожа на оскал.

– Еще как возможно! С этим светлым ханжой! С этим набитым идиотом, воспитанным на цветочках и пестиках в их дурацком Эдемском саду!.. Бабник проклятый! Самец!

– погоди, ты противоречишь сама себе. То воспитан на цветочках и пестиках, то вдруг бабник. Не стыкуется! – сказала Даф.

– Еще как стыкуется! Знаешь, в чем причина успеха Дон-Жуана? В том, что подавляющему большинству мужчин женщины интересны лишь в ряду общих удовольствий... Эссиорх же еще не совсем безнадежен. Или, точнее, теоретически безнадежен, – сказала ведьма.

Ната, крутившаяся рядом, не удержалась и ехидно кашлянула.

– Не кашляй на меня, Вихрова! Мне не нужны твои микробы! – мрачно предупредила Улита.

– Можно подумать, ты на меня никогда не кашляла! – неосторожно заявила Ната.

– Я – другое дело. Ты моим микробам не нужна. Ты им не нравишься! Микробусы, идите к мамочке! – сказала Улита.

Она задумчивым, тяжелым взглядом посмотрела на Нату и вдруг потребовала:

– Быстро заткнула уши!

– С какой стати?

– Считаю до нуля!.. Ну! Ты меня знаешь!

Ната ее действительно знала и потому поспешно заткнула уши.

– Ничего не слышишь? – спросила Улита.

Ната наивно замотала головой.

– Вот и хорошо! Попытаешься перехитрить меня – оглохнешь. Из ушей до старости будут ползти белые черви, – не повышая голоса, ласково сказала ведьма.

Даф заметила, что Ната поспешно изменила положение пальцев и на всякий случай отошла от Улиты шагов на десять. По ходу дела она ухитрилась скорчить такую гримасу, что, действуя они на Улиту, ведьма немедленно отправилась бы мылить веревку. Улита, однако, обратила на Нату не больше внимания, чем хомяк обратил бы внимание на картину

Боттичелли.

Даф смотрела на Улиту и думала, насколько серьезна ее ссора с Эссиорхом. Видимо, ее причины залегали глубже обычных любовных перебранок, главная прелесть которых в том, что они горячат кровь. Может, Эссиорх потребовал ответа: с кем ты – со светом или мраком? Обычная же практика Улиты ставить на расспросах поцелуйную точку на этот раз не принесла результатов.

– Нет. Это обычная его тема. Все было хуже, – беззащитно подзеркаливая, сказала Улита. – Эссиорх заявил: когда общаются двое – более сильная личность оказывает влияние на более слабую. В результате каждая пара движется в определенном направлении: некоторые пары деградируют, а некоторые совершенствуются. Понимаешь?

– Ну так оно примерно и есть. По логике вещей, – нерешительно признала Даф, думая о себе и Мефе.

Интересно, кто из них двоих кого и куда тянет? Даф хотела поинтересоваться, насколько увлекательным может быть процесс деградации, но передумала. Ведьмы, даже неглупые, вспыльчивы как порох и обидчивы как сиамские кошки. Поди объясни, что тебе это нужно в порядке обогащения личного опыта.

– Этот светленький чистюля утверждает, что, общаясь со мной, опрощается. Кроме того, он не замечает, чтобы я сколько-нибудь ощутимо продвинулась к свету. Я-де воспринимаю его только как тело, а на все прочее, на душу там, на

высокое мне плевать! Нет, как это тебе?

Ната скорчила очередную гримасу, так просто, ради профилактики, и Улита метнула в нее стулом. Ей для этого потребовалось лишь нахмуриться. Стул разлетелся вдребезги, ударившись в стену высоко над головой Наты. Вихрова покосилась на его обломки и взяла мимическую паузу.

– А еще он хочет детей. От меня, от ведьмы! Какие дети вообще? Проснись и протрезвей! Где я их буду растить? Здесь, в Канцелярии мрака? Без эйдоса, без собственного дома? Когда рядом суккубы, когда комиссионеры толкнутся вонючими рылами! Сопли, вопли! Ты-то хоть понимаешь? А он – нет. Мальчика ему подавай!

– Мальчика? Настоящего? – ошеломленно спросила Даф. Вопрос нелепый, но уж очень она была ошарашена.

– Нет. Вообрази: из полена. Нарисованного на куске старого холста! – сердито крикнула Улита.

Даф мало-помалу оправилась от удивления и даже увидела в идее Эссиорха рациональное звено.

«Хм... А почему бы и нет? Девушка явно страдает от полнокровия и дуреет от переизбытка жизненных сил. Одного киндера тут явно мало. Трое маленьких вампирчиков, которые отсасывают лишнюю кровь – это то, что доктор прописал», – подумала она, ставя мысленный блок, чтобы Улита не лезла ей в голову.

– И чем все закончилось? В смысле: на чем вы расстались? – спросила Даф примирительно.

– На том и расстались. Разругались. Вдрызг.

– Что, Эссиорх тоже ругался? – усомнилась Даф.

– Он-то? Да где ему? Мы же светленькие, идеальные! Выслушал все, что я ему сказала, молча сел на мотоцикл и свалил.

– И ты дала ему уехать?

– Он мне не нужен больше. Абсолютно. Пускай проваливается...

По круглому большому лицу ведьмы текли слезы. Должно быть, сама Улита поняла, что плачет, лишь когда слезы закрепились ей на шею. Она машинально вытерла ее и с недоумением взглянула на мокрую ладонь:

– И из-за кого я плачу! Подумаешь: страж в теле мотоциклиста! Да кому он нужен? У него словно раздвоение личности: один зануда и педант, но вот другой... Мы когда на мотоцикле с ним неслись – я словно по небу летела. Но теперь уже все равно. Эссиорха больше нет. Он для меня умер.

«Так уж и умер», – подумала Даф.

Ведьма пристально взглянула на нее.

– Не любишь ты меня!

– Люблю. Я тебя за то люблю, что ты вот сейчас говоришь, а сама думаешь: пожалеть себя или нет, – сказала Даф.

– И жалею?

– Нет, не жалеешь... – сказала Даф.

– Хотя это радует... Ну все, проехали! Пора браться за дела!

Кивнув, Улита подошла к стене и сдернула ковер. Треснувшая могильная плита заволоклась туманом.

На могильной плите возникло асимметричное лицо Вени Вия. Его испачканные землей веки были мало того что закрыты, но и опломбированы. Таково было новое требование Бессмертника Кощеева после того, как однажды в прямом эфире Веня стал чудить, приоткрыл-таки один глазик и ухлопал с десятков неосторожных зрителей.

– Прекрасный зимний день! Почему прекрасный? Всем холодно, всем противно, не правда ли? С вами «Трупный глаз» и я, Веня Вий, его самопровозглашенный ведущий, истребивший в прямом эфире всех подлых конкурентов. «Посмотрите мне в глазки, друзья мои!» – сказал я им, но не будем ворошить прошлое, перейдем к новостям! Все первые полосы сегодняшних газет, как вы знаете, заняты рейдом Черной Дюжины мрака в Эдем.

Как, вы не знаете, что такое Черная Дюжина? Ай-ай! Черная Дюжина мрака – особый отряд, учрежденный Лигулом в противовес валькириям. Двенадцать лучших бойцов мрака и среди них сам мечник Арей регулярно собираются, чтобы показать свету, где выключается свет! Ха-ха!... Эй, где записанный на пленку хохот? Без него зрители не поймут, что это была шутка!

«Так вот куда Арей отлучается по ночам! Черная Дюжина!» – подумала Даф, кинув быстрый взгляд на дверь кабинета.

Из носа Вени Вия выглянул червяк. Неосторожно он высунулся слишком далеко и упал. Веня смутился, но, не теряясь, продолжал:

– Разметав стражу непосредственно у ворот Эдема (sic!), Черная Дюжина на некоторое время прервала сообщение между Эдемом и человеческим миром. Серьезного стратегического значения это не имело, а так... психологическая оплеуха свету. В сам Эдемский сад, как известно, стражам мрака путь заказан. Когда подоспел крупный отряд светлых, усиленный грифоном, Черная Дюжина вынуждена была отступить. Серьезная битва никак не входила в ее планы. И снова она – ее величество случайность! На полдороге в человеческий мир на пути Черной Дюжины попадают двое златокрылых, доставлявших в хранилище артефактов свирель Пана. Где запись с места событий? Эй, кто-нибудь там, вытащите вилы из режиссера! Скажите ему, что я больше не сержусь!

Для тех, кто когда-то чему-то учился, но ему помешали скромные размеры черепной коробки, напомним: свирель Пана – один из основных артефактов света. Боевые бонусы против драконов и гарпий. Это если играть с одного конца. Если с другого, способность вести за собой эйдосы. Поддерживает и укрепляет ослабевших людей на благом пути. Пробуждает в человеке внутренние силы и тэ-пэ и тэ-дэ и прочая эт цэтэра!

Веня Вий брезгливо стряхнул землю с синих век. Должно

быть, ему казалось, что этим жестом он выражает отношение к свирели Пана.

– Расправившись с охраной свирели и лишив ее золотых крыльев (милые сувенирчики для понимающих, вы не находите?), Черная Дюжина отступила в направлении Тартара. Однако скрыться в геенне огненной ей не удалось. Над человеческим миром она была атакована отрядом валькирий. Эти лишённые личной жизни дамочки были более чем убедительны. В жарком бою предводитель Черной Дюжины, некто Тарлантур, был убит. «Imperatorem stantem mori oportet»,³ – как сказали бы светлые. Лишившись предводителя, остальные стражи Черной Дюжины отступили в Тартар. Можно ли назвать это победой валькирий? Мы думаем, что нет, тем более что свирель Пана так и не была возвращена свету...

Речь Вени Вия оборвалась на середине фразы, точно кто-то заткнул ему рот носком. Могильная плита погасла. Улита, вполне пришедшая в себя, щелкнула пальцами, возвращая ковер на прежнее место.

– Надоел, дурак!

– Ты о чем? – не поняла Даф.

– Хоть бы раз этот болван Вий сказал всю правду целиком! Хотя, если он это сделает, его уволят! У Тартара сильнейшие позиции на Лысой Горе, – заявила она.

³ Императору надлежит умереть стоя (лат.). Светоний, «Божественный Веспасиан».

– А в чем он наврал?

– «Свирель Пана не была возвращена свету»! – передразнила Улита. – Да, не была. Но и Тартар кое-чего лишился.

– Откуда ты знаешь?

Ведьма ткнула пальцем в дверь кабинета:

– Ты что, не слышала: Арей тоже был там, в числе бойцов Черной Дюжины. Когда Тарлантура убили – а это случилось, к слову сказать, высоко над Москвой – он рухнул вниз. В пылу битвы этого никто не заметил. А когда хватились, уже и искать было бесполезно.

– А найти тело? – спросила Даф, стараясь, чтобы в ее голосе не слишком явно звучала радость.

– Умна не по летам! Ищи! Тело исчезло еще в воздухе. Таков закон, общий для всех стражей – как света, так и мрака. Лопухойды не должны видеть их даже мертвыми.

Даф задумалась.

– Когда ты сказала «и Тартар кое-чего лишился», ты имела в виду Тарлантура? – спросила она у ведьмы.

Та взглянула на Даф с понимающей иронией:

– Что, радуемся за старых друзей?

Даф виновато вздохнула. Она знала: Улите по пустякам лучше не врать, дороже обойдется. Проще признать, что все так и есть.

– Не только его. Тарлантур – страж первого ранга, кавалер Ордена геенны, доверенное лицо Лигула и прочая-прочая – считался в Тартаре хранителем Мистического

Скелета Воблы, – веско сказала ведьма.

Даф невольно фыркнула:

– Мистический скелет чего?

– Ничего смешного. Известно ли тебе, светлая, что такое первопредмет?

Даф машинально сделала серьезное лицо: такое же, как на многочисленных экзаменах. Чем меньше знаешь, тем с большим напором следует говорить.

– Существует несколько определений первопредмета. Согласно наиболее распространенному, первопредмет – это тот предмет, который был самым первым. Согласно другому, он был не самым первым, но одним из первых. Останавливаться на других, менее очевидных определениях мы не будем, так как ученые до сих пор расходятся во мнении... – начала Даф.

Ведьма, слушавшая Даф внимательно, неожиданно подмигнула.

– Существует несколько определений хитрой Дафны! Согласно наиболее распространенному, эта та Даф, которая продрыхла все лекции. Останавливаться на других определениях мы не будем по цензурным соображениям...

– Ну и что такое первопредмет, в таком случае?

– Первопредмет – несотворенный артефакт, возникший некогда сам собой по неясной причине. Мистический Скелет Воблы – это артефакт-пересмешник.

– Пересмешник – это как?

– Ну, он вызывает сложные галлюцинации. Никто не знает, что примерещится тому, кто его увидит, и на какие поступки он будет способен. Лишь самые сильные могут устоять. Обычно действие артефакта, правда, кратковременно, так что накуролесить всерьез никто не успевает. Гораздо хуже, что артефакт обладает свойством вызывать сильнейшие снегопады. Неостановимые снегопады, которые не прекратятся, даже когда весь город исчезнет под снегом. Так вот, Тарлантур...

Улита осеклась. Насвистывая, по лестнице спустился Мошкин. Даф и Улита удивленно уставились на него. Ната оторвала от ушей пальцы. Насвистывающий, уверенный в себе Мошкин – это уже нечто новое.

– Привет, ребра! Ну как вам тяготы жизни, ребра? – снисходительно бросил Мошкин Даф и Улите.

– О чем ты, друже? – невнимательно спросила ведьма.

– О том, что женщина сделана из ребра. Наспех и коекак. Результат налицо! Отсутствие стратегической глобальности мышления компенсируется мелочной вьедливостью. Тот, кто пытается разговаривать с женщиной языком слов, не уважает слова. Я правда так считаю, да? А, тетя Улита? – сказал Мошкин и похлопал ведьму по плечу.

Надо отдать Улите должное, она сохранила самообладание и не подвергла юную жизнь Мошкина опасностям, связанным с физическим воздействием.

– Или погуляй, мальчик! Из чьего бы ребра я ни была сде-

лана, это не твое ребро! Ты понял? – устало сказала Улита.
– Понял? А я мог не понять, да?
– Ты мог бы не отвечать вопросом на вопрос?
– Я отвечаю вопросом на вопрос, правда? – удивился Ев-
геша.

- Мошкин, ты издеваешься?
- Кто, я?
- Да, ты!!!
- А, кажется, будто я издеваюсь? А... мама!

Мошкин правильно оценил запасы терпения ведьмы и отодвинулся ровно настолько, чтобы со стула его нельзя было достать шпагой. Метательных же ножей поблизости от ведьмы не оказалась. Она еще с утра растратила их на комиссионеров.

Даф и Ната переглянулись.

- Опять начитался! – сказала Ната, пожимая плечами.

Улита поморщилась. У окна, прячась друг за друга и потев последней коллекцией французских духов, возникли суккубы, подозреваемые в утайке эйдосов. Безошибочно пронюхав, что недавно речь шла о любви, провинившиеся суккубы в углу зашевелились. Они чуяли любовь безошибочно, как кошка валерьянку, и мгновенно пьянели от нее. Один из них был тот самый состроченный из двух половинок Хнык, недавно переведенный в русский отдел.

Хнык торопливо превратился в усатого мужчину галантерейной наружности, с мускулистыми ляжками и неназойли-

во мелкой головой, со взглядом томным, как у барана. Целуя Улите ручки – каждый пальчик в отдельности, – он сладко забубнил:

On dit assez communement
Qu'en parlent de ce que l'on aime,
Toujours on parle eloquemment.
Je n'approuve point ce systeme,
Car moi qui voudrai en ce jour
Vous prouver ma reconnaissance,
Mon coeur est tout brulant d'amour,
Et ma bouche est sans eloquence.⁴

– Ну не слюнявь, не слюнявь! Что ты несешь? А по-русски? – поинтересовалась Улита, изымая у него свою руку и вытирая ее о платье.

– По-русски это звучит не так пафосно. Вот когда я служил по французском отделе...

– Ближе к телу, юноша! Ближе к телу! – настаивала Улита. Была у нее такая хорошая манера говорить «ближе к делу». Хнык облизал губы, задумался:

– Ну примерно так: «Существует мнение, что о том, кого любят, говорят всегда красноречиво. Я считаю это неверным, потому что хотел бы сегодня выразить вам свою благодарность, но сердце мое пылает любовью, а уста мои лишены красноречия».

⁴ Цит. по: М.Е.Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. – Л., 1975. С. 77.

Говоря это, Хнык постепенно из галантерейного красавчика стал превращаться в Эссиорха. Бедный суккуб! Он совершил стратегическую ошибку, которая, как известно, куда хуже любой ошибки тактической. Улите эти фокусы не понравились, особенно после недавней ссоры.

– А ну быстро прекратил фокусы! Встал по стойке «смирно»! Ноги вместе, уши врозь! И вы, другие, тоже подошли! – рявкнула Улита.

Хнык и с ним еще два суккуба трусливо приблизились, прячась друг за друга.

– Кто вы такие? А ну, отвечать как положено, по ранжиру! – крикнула ведьма.

– Мы самые жалкие слуги мрака! Мы ничтожные духи, великодушно выпущенные из Тартара. Грязь, которую мрак месит ногами! Мы плевки на асфальте, окурки в пепельнице жизни, дохлые крысы, разлагающиеся в детской песочнице! Мы обожаем тебя, о величайшая из Улит! – недружно, но очень бойко ответили суккубы.

Ведьма смягчилась.

– Ну уж так уж и величайшая. Хотя если из Улит, тогда конечно... Еще вопрос: зачем вы собираете эйдосы?

– Эйдосы нужны для увеличения силы мрака! Великий мрак терпит нас только потому, что мы приносим эйдосы! Иначе он давно бы стер нас в порошок, так мы ничтожны! – сообщили суккубы.

Хнык так расстарался, что потерял цветок из петлицы. На

этот раз это была банальная гвоздика – радость пенсионеров и не самых любимых учительниц. Он уже не пытался превратиться в Эссиорха и лишь тревожно косился на шпагу в руках Улиты. Раны от нее так просто не заштопаешь. Ведь-ма встала и, скрестив руки, прошлась перед суккубами. Те с волнением следили глазами за клинком в ее руке.

– Знаете, что бывает с теми, кто утаит от мрака хотя бы один захваченный эйдос? По правилам, я должна сообщить об этом в Канцелярию Лигула. Это я и собираюсь сделать. Мне надоело с вами возиться, – заметила Улита.

Суккубы задержались, как трупы, через которые пропустили ток. Запах парфюма стал невыносим, как в магазинчиках, где мыло, одеколоны, дезодоранты и стиральный порошок продаются в куче.

– Мы ничего не прятали, госпожа! Ничего!

– Не раздражайте меня!.. Эйдосы немедленно сдать. Это было первое и последнее китайское предупреждение. А теперь пошли вон! – не глядя на них, сказала Улита.

Недаром суккубы слыли знатоками душ. Они прекрасно умели разбираться в интонациях. Переглянувшись, они поспешно выложили на стол несколько песчинок, стыдливо завернутых в бумажки. Последним к столу подошел Хнык. Он стеснялся, театрально и искусственно, как это могут делать только суккубы, и симметрично откусывал заусенцы сразу на двух больших пальцах.

– НУ! – поторопила его Улита.

Хнык выложил вначале одну бумажку, а потом под внимательным взглядом Улиты еще две. Повернулся и горестно, точно погорелец, направился к двери.

– Отняли мое честно украденное! Нажитое бесчестным трудом! У-у! – ныл он.

– Притормози-ка! – приглядевшись к нему, вдруг сказала Улита.

Суккуб застыл.

– Да, госпожа?

– Вернись! Ты кое-что забыл!

Не споря, Хнык вернулся и положил на стол еще бумажку.

– А вот теперь все. Вон! – сказала Улита.

Суккубы торопливо слиняли, довольные, что легко отделались. Улита бросила шпагу на стол поверх бумаг и подошла к окну, где в горшке мирно лысела герань.

– Ты сегодня что-то добрая! Никого не заколола! – удивленно сказала Даф.

– Мне сегодня не до зла. Я слишком озабочена, – ответила ведьма.

– Светленькие нас больше не любят? Из великой любви лезет подкладка? – закатывая глазки, спросила Ната.

Улита подошла к Нате и, лениво толкнув ее в грудь, усадила в кресло.

– Родная, сиди здесь и не попси!

Ната задумалась. С этим словоупотреблением она сталкивалась впервые.

– Попси – это от слова «попса»? – любознательно спросила она.

– За отсутствием альтернативных вариантов.

Ната задумчиво кивнула. Новое слово явно попало в ее копилочку.

Евгеша Мошкин, забывший уже о том, что он роковой женоненавистник, вертелся у стола и разглядывал эйдосы. Пару раз он даже протягивал палец, чтобы подвинуть к себе одну из бумажек, но всякий раз испуганно отдергивал его.

– А спросить можно? – вдруг подал он голос.

– Валяй! – разрешила Улита.

Мошкин кивнул на песчинки, завернутые в бумагу.

– А что будет, если человек без эйдоса возьмет чужой эйдос и вставит себе? Это не глупый вопрос, нет? – засомневался Мошкин.

Улита усмехнулась, но усмехнулась невесело.

– Чужой эйдос? Хочешь попробовать? Валяй! Тебе какой?

Она шагнула к столу. Мошкин тревожно попятился.

– Не надо. Я просто хотел понять, да?

Улита остановилась и осторожно развернула одну из отнятых у суккубов бумажек. На ладони у нее отрешенно засияла крошечная песчинка.

– А что будет, если ты переставишь себе чужую голову с чужими мозгами? Это будешь ты или не ты? Нет, с эйдосами эта штука не проходит. Эйдос – самое могучее, самое благородное и... одновременно самое ранимое из всего, что су-

ществует во Вселенной. Он не боится холода звезд и пламени Тартара, но может погаснуть от простого равнодушия или копеечной измены. Не потому ли так просто продать его или заложить? Нет, как бы ни был хорош этот эйдос, мне он не подойдет.

Эйдос на ладони у ведьмы вспыхнул с щемящей тоской. Улита завернула его в клочок газеты.

– И всего-то программа телевидения! Как все в этом мире забавно: великое граничит с жалким и банальным, – сказала она, разглядывая газету.

По лестнице кто-то с грохотом скатился. Это оказался Чимоданов, красный и взъерошенный, как воробей, улетевший со стола чучельника. Ната удивленно подняла брови.

– Ложись! – завопил Чимоданов.

– Куда ложись? Что за пошлости? – не поняла Улита.

Ее как всегда подвела чрезмерная стереотипность мышления.

Чимоданов безнадежно округлил глаза и бросился на пол. Умная Даф успела последовать его примеру. Улита и Ната замешкались, и в следующую секунду стали свидетелями зрелища редкого и запоминающегося. Огромный стол, который в обычном состоянии едва отрывали от пола четыре матерых комиссионера-носильщика, вдруг поднялся в воздух, пронесся между ними и вдребезги разбился о мраморную колонну. Вокруг стола в суетном смерче мелькали портреты бонз, доспехи, кресла.

На лицах Наты и Улиты медленно и постепенно, точно на фотобумаге, проступило недоумение. Даф торопливо вскинула к губам флейту. И тут, возмутительно запоздав, в приемную ворвался звук взрыва. Двойная дверь, ведущая на лестницу, распахнулась в противоположную сторону. Правая створка повисла на петле. Левая – удержалась только за отсутствием места, куда упасть. С лестницы в буквальном смысле слизнуло четыре ступеньки.

Улита поднялась и, грозно-грузная, взбешенная, надвинулась на Чимоданова:

– Ты что это, а? Жить надоело? Ах ты, мелочь пузатая!

Петруччо стал резво отползать.

– Подчеркиваю: я же сказал «ложись»! И вообще, почему я? Чуть что, так я! – плаксиво крикнул он.

Со второго этажа спустился благополучно выживший Мефодий. За ворот он держал вырывающегося Зудуку.

Оказалось, когда Чимоданов отвлекся, Зудука вставил в ухо человечку, слепленному из пластиковой взрывчатки, детонатор, а к детонатору присобачил устройство для подрыва, состоящее из дешевых электронных часов и пальчиковой батарейки.

– Ревнючку устроил! Устранил конкурента! Единственного из последней партии, который имел шанс ожить! – сердито пояснил Чимоданов.

Услышав об этом, Улита сразу смягчилась и передумала убивать Зудуку.

– Ревность – великое чувство. По себе знаю: на один поцелуй любви всегда приходится два пинка ревности. В таком разе я оправдываю тебя, друже!.. И вообще хорошо, что нет Арея. Подумать только: светлая играет на флейте в резиденции мрака! Если Лигул узнает, он перекусает всю канцелярию начиная с меня, – заявила она.

– Почему с тебя?

– Потому что я самая полнокровная, а он тайный вампирюка. Уж я-то знаю.

– Да ладно тебе, не придирайся! Ну, прозвучала один раз маголодия – что тут такого? – с усмешкой спросил Меф.

Он и сам был удивлен. Мефу казалось, Даф говорила ему, будто маголодии Эдема на Большой Дмитровке, 13, вообще не имеют силы. Однако теперь оказывалось, что силу они все-таки имеют, да еще какую. Видно, дело тут было не в технике, а в моральном аспекте.

Разъяснения подоспели почти сразу, правда, от Улиты:

– Буслаев! Ты просто внебрачный парнокопытный сын непарнокопытного осла! Повторяю по буквам: здесь резиденция мрака! Посольство, представительство Тартара, а посольства всегда были территорией иностранного государства! Это все равно что поставить виселицу посреди Эдемского сада и вздергивать на ней тех, кто сделал за день меньше трех добрых дел... А, как тебе такое?

Даф поморщилась. Слова Улиты граничили с кощунством.

Ведьма потянулась и, не откладывая, материализовала метлу. Метла была новая, полетная, со сверхзвуковой обвязкой и золоченым набалдашником, как у трости. Использовать ее для уборки было почти кощунство, Улита, однако, не разменивалась на мелочи.

– Ну ладно! Все еще успеют убраться: мы в приемной, а Чимоданов со своим монстром куда подальше, – сказала она.

– С какой это радости? – не понял Петруччо.

– Шефу надо дать время остыть, если он явится не вовремя. Арей, конечно, вас простит рано или поздно, но если вы сейчас окажетесь рядом, прощать придется ваши бранные останки, – пояснила ведьма.

– А... Ясно! Свистнете мне, когда Андрей будет на подходе! – сказал Чимоданов.

Улита вызвала комиссионеров, и сноровистые пластилиновые люди принялись наводить порядок. Вставляли стекла, заматали, извлекали из небытия новую мебель. Один из них по ходу дела попытался утянуть завернутый в бумажку эйдос, но, когда он разогнулся с эйдосом в руке, первое, что он увидел, была властно протянутая ладонь Улиты.

– Как раз собирался вернуть. Думаю, что за бумажка лежит? Может, нужная какая? Может, документ какой? – забормотал комиссионер.

Улита взяла у него эйдос и сунула в карман. «Благодарствую!» – сказала она, одним звучанием этого простого слова заставляя комиссионера размазаться по стене.

Когда уборка завершилась, Даф внезапно обнаружила, что не может найти Депресняка. Даже стук миской об пол, обычно способный извлечь кота чуть ли не с того света, не принес обычного результата.

– Депресня-я-ак! Депресня-я-ак! – звала Даф.

Комиссионеры ехидно извивались пластилиновыми спинами. Они откровенно потешались.

– Со стороны можно подумать, ты жалуешься на плохое настроение! – сказал Меф.

Он вечно подтрунивал над Дафной. Даф это поначалу возмущало, пока она не разобралась, что в варианте Мефа насмешки скорее свидетельствуют о наличии чувства, чем о его отсутствии.

Поиски кота успехом не увенчались. Кот не был найден как в целом, так и во взорванном состоянии.

– Может, он испугался взрыва? – робко предположила Даф.

Меф недоверчиво усмехнулся:

– Твой котик? Такой испугается, только если его отбивная будет недостаточно радиоактивной.

– Очень смешно. Тогда где он?

Меф кивнул на выбитое взрывом стекло:

– Ушел гулять.

– Что лысому крылатому коту делать на улице в январе? Он не любит холода!

– Протестую: через тридцать шесть часов уже февраль! –

заявил Петруччо, любивший дебильно уточнять факты. Это настолько стало частью его натуры, что нередко Чимоданова можно было встретить за довольно неожиданными занятиями: например, за выразительным чтением вслух расписания электричек или подсчетом того, сколько раз буква «а» встречается в энциклопедическом словаре.

– В феврале, конечно, гораздо теплее. Я всегда знала, что твой кот дружит с головой только час в сутки. В остальное время он на нее дуется, – со смешком сказала Ната.

Даф с надеждой посмотрела на Мефодия. «Догадается или нет?» – подумала она. И он догадался. Подошел к тому, что до того, как рухнуть, было вешалкой, и, нечаянно наступив на пальцы комиссионеру, который по душевному благородству решил убраться в его карманах, поднял с пола свою куртку.

– А-а! Я ж случайно! Повесить хотел! – взвыл комиссионер, отдирая от пола прилипшие пальцы.

– Так и я случайно. Сегодня просто день какой-то идиотский – день случайностей, – пояснил Меф.

Он застегнул карман, в который чуть было не влез комиссионер, надел куртку и повернулся к Даф.

– Ну что, пошли искать твое хвостатое чудовище! – сказал Меф и, протянув руку движением, которым обычно нажимают на кнопку звонка, коснулся ее носа.

– Перестань! Я так не люблю! – сердито сказала Даф.

Меф усмехнулся. Он отлично знал, что Дафне это нравит-

ся, а сердится она скорее потому, что он делает это в присутствии посторонних.

Они вышли на улицу, и серая резиденция мрака, по-прежнему скрытая строительными лесами, вдруг отодвинулась и словно перестала существовать. Никто не заметил, когда начался снегопад. Снег падал невесомыми радостными хлопьями, которые не таяли на асфальте, но уверенно сознавали свою светлую, дружную силу. Все исчезло в ватной пелене. Лишь светофоры расплывались растерянными пятнами. Люди выходили из машин, хлопали дверцами, удивленно переговаривались. Даже звуки и те увязали в снегу.

В эти короткие мгновения мир казался белым и просветленным. На душе становилось радостно и ясно – так ясно, как давно не бывало, и трусливые комиссионеры – дрожащие твари в духе «как бы чего не вышло» – забивались в люки и на чердаки, ибо нечего им было ловить в этот час.

Глава 3

Краше красной краски нет

На почве, зноем опаленной, проживал один верблюд. Он был личностью презрительной и плюющей на что попало. Камень увидит – плюнет в камень, увидит черепаху – плюнет в черепаху.

Как-то верблюд гулял и увидел червяка. Червяк сидел на ветке высохшего саксаула у него над головой. Верблюд плюнул в червяка, но не попал. Он плюнул еще раз и опять не попал. Так он плевал до глубокого вечера, пока наконец не понял, что червяк слишком высоко...

– Эй, червяк, слазь! – заорал верблюд.

– Не-а, – сказал червяк. – Не слезу!

– Что ты там делаешь?

– Посмотри на себя!

Верблюд посмотрел.

– Я плюю на верблюдов, – сказал червяк.

Притча о верблюде, который на всех плевал

В тот день и час, когда начался этот невероятный снегопад, Ирка сидела за столом в «Приюте валькирий» и грустно смотрела в окно. Снаружи все было белым. Снежная завеса, расчерченная вертикальными линиями стволов, закрывала все небо.

С другой стороны стола на лавке сидел Антигон и нетерпеливо подпрыгивал. Когда его подпрыгивание и, главным об-

разом, повторявшийся стук ударявшейся об пол лавки вконец надоели Ирке, она неожиданно вспомнила, что они играют с Антигоном в шашки. Ситуация на доске была вполне стабильной, даже, пожалуй, в пользу Ирки, но шашки ей вдруг опротивели. Даже одна мысль, что нужно передвигать их пальцем по доске и слушать щелчки, с которыми белые и черные кругляши перепрыгивают, пожирая друг друга, вызвала тоску.

– Мерзкая хозяйка, вы будете ходить или как? – нетерпеливо подал голос Антигон.

– Нет. Считаю, что ты выиграл... Сдаюсь! – сказала Ирка, смахивая шашки с доски.

Задышавшись от гнева, потомок домового и кикиморы замахал руками и вскочил на стол. Его бугристый лимонный нос полыхал от негодования.

– Валькирия не может говорить: сдаюсь! Это слово не для валькирий! – воскликнул он.

– Веселая история! А какие слова для валькирий? – удивилась Ирка.

– Валькирия может говорить: «Я должна! Я обязана! Мне нужно!» Если, конечно, она достаточно мерзкая и достаточно безответственная! – назидательно сказал Антигон.

– А если валькирия устала? Или отчаялась? Или обессиленна? Или в тоске? – спросила Ирка.

Антигон с досадой дернул себя за бакенбарды, казавшиеся карикатурными на розовом, гладком, как у младенца, лице.

– Валькирия обязана это скрывать! Все чувства: слезы, досаду, боль – она имеет право проявлять только наедине с собой. И никак иначе.

– А если она не может? Если она совсем без сил? – поинтересовалась Ирка.

– Выход один: залечь на дно и попытаться переждать это состояние. День, два дня, неделю... Столько, сколько нужно, но не слишком долго.

– А если не получится?

Ответ Антигона был пугающе прост:

– Если не получится, тогда она должна найти другую, достойную, и передать ей копье и шлем. Навеки!

– Разве копье и шлем можно передать? – удивилась Ирка.

– Да, можно, если произнести формулу отречения... – заверил ее кикимор.

Ирка провела по столу пальцем. Палец перечеркнул натекшую с потолка лужицу и оставил длинный тонкий след.

– А что будет со мной, если я произнесу эту клятву? – спросила она.

Антигон перевернул доску и ссыпал в нее шашки. Затем демонстративно громко захлопнул доску и небрежно убрал ее в ящик.

– Ты не ответил, что будет!

– Это и был ответ, отвратительная хозяйка!.. И чтобы я больше не слышал слова «Сдаюсь!» Никогда! – предупредил оруженосец.

Ирка встала. Ее макушка почти касалась потолка. За семь месяцев, минувших с последней встречи, она выросла и ощутимо похорошела. Взрослые мужчины на улице порой оглядывались на нее с рассеянной задумчивостью.

Ирка материализовала копье и, чтобы взбодриться, сделала около сотни выпадов, метя в горло и в живот воображаемому противнику. Каждая серия начиналась ложным ударом, продолжалась коротким, резким и завершалась глубоким и сильным.

Внезапно Ирка поняла, что удары она наносит не кому-то, а Мефодию Буслаеву. Это в него направлены выпады ее копья.

– Я... тебя... ненавижу... Меф... Понял?... Ты... мне... неинтересен... со... своей крылатой... блондинкой. Я... тебя... забыла... ясно... тебе? – восклицала она, после каждого слова ставя треточие серией ударов.

Разгоряченная Ирка едва замечала, что произносит это вслух. Антигон наблюдал за упражнениями Ирки с одобрением. Под конец он даже закудаhtал от удовольствия, как курица.

– Вот это я понимаю: ненависть! Когда такая ненависть, так и любви никакой не надо! – ободряюще трещал кикимор, оттягивая свои чешуйчатые уши.

Опомнившись, Ирка остановилась и мысленным приказом заставила копье исчезнуть.

– Вот это дело! А то «устала», «сдаюсь»! – торжествовал

Антигон.

– Ты ничего не слышал и не видел! – веско сказала она кикимору.

Повторять не пришлось. Кикимор понимающе зевнул.

– Да? А что произошло-то? Я только что проснулся.

– Спи дальше!

Внутри деревянного вагончика было тепло, но не столько стараниями железной печки, в которую Ирка, имитируя трудовую деятельность, порой подбрасывала полено-другое, сколько заботами Багрова. Как-то, еще в первые декабрьские морозы, он явился и с таинственным видом промазал щели в рассохшихся досках белой жижей из банки.

– Теперь не замерзнешь! – сказал Матвей.

– Только не спрашивай меня, что это было, а то у тебя на всю жизнь пропадет аппетит! – подражая его голосу, передразнила Ирка.

Багров ухмыльнулся и посмотрел на нее так серьезно и одновременно так лукаво, что Ирка поняла, что недалеко от истины.

– Что да, то да. Лучше не спрашивай, – подтвердил он.

Не успела Ирка подумать о Багрове, как скелет летучей мыши, подвешенный к потолку и используемый в качестве датчика некромагии, внезапно запрыгал всеми сочленениями.

– О, вот и он – наш дорогой и единственный! Не к ночи помянуть, а ко дню! – сказал Антигон. Он всегда так отзы-

вался о некромагах.

И действительно, не прошло и минуты, как кто-то очень знакомо постучал в люк, — дверь в обычном представлении в «Приюте валькирий» отсутствовала. Лишь деревянный люк, в который можно было подняться по канату.

Ирка открыла. В «Приют валькирий» забрался Багров. Он всегда вскальзывал легко, точно уж, хотя Ирка ни разу не видела, чтобы он тренировался. Если, конечно, не считать тренировками ежедневные упражнения в фехтовании и возню со всякого рода снадобьями.

— Привет! — сказала Ирка.

Матвей вскинул на Ирку темные, без блеска глаза, и с замедлением моргнул, удержав внизу пушистые ресницы. Только он один умел так здороваться глазами. Ирка пыталась как-то научиться перед зеркалом, но осталась недовольна. Чего-то главного не хватало. Может, непоколебимого спокойствия и неподражаемого внутреннего достоинства, которого в Багрове было столько, что хватило бы на троих?

— У тебя там тоже идет снег? — спросила Ирка.

— Теперь везде снег, — коротко ответил Матвей.

Он поселился в сарае лодочной станции в Серебряном Бору. Ирка была у него дважды. Багров ночевал в старой лодке. Пол в сарае был густо посыпан опилками, в которые нога проваливалась до середины голени. Над лодкой мерцал вечерами загадочный фонарь с разноцветными стеклами, подвешенный к потолку на веревке.

– Снег будет идти каждый день, с короткими перерывами, пока город совсем не заметет. Думаю, через неделю все одноэтажные дома вообще исчезнут, – продолжал Багров.

Он говорил спокойно, не придавая большого значения словам. Заметно было, что не это занимает сейчас его мысли.

– Откуда ты знаешь? – подозревая шутку, спросила Ирка. С Багровым никогда нельзя было сказать наверняка: шутит он или серьезен.

– Я рассмотрел одну из снежинок. Она необычной формы. Если взглядеться, заметно, что кристалл имеет совсем другое строение. Это магический снег.

– Но снегопад послан светом? – спросила Ирка.

Ей не верилось, что такой радостный, такой до сказочности пушистый снег может иметь отношение к мраку. Багров медленно покачал головой:

– Не совсем... Снег вызван каким-то артефактом, вероятнее всего.

– Каким?

– Не знаю. Я лишь предположил, – сказал Багров, неотрывно и одновременно точно с легким опасением глядя на Ирку.

Какое-то время Ирка недоумевала, что же такое с Багровым, как вдруг память ее выдала мгновенную вспышку. В прошлый раз, перед тем как уйти, Матвей сказал вскользь:

– Ты должна ответить: любишь меня или нет. Подумай хорошо, все взвесь и скажи в следующий раз, когда я появ-

люсь... Я не буду торопить!

И хотя «скажи в следующий раз» и «не буду торопить» явно противоречили друг другу, Ирка тогда уже почувствовала две вещи: что некромаг волнуется, хотя и скрывает это, и что все-таки придется дать ответ, хотя она предпочла бы не спешить.

Умный Антигон, что-то унюхав, быстро выскользнул из «Приюта валькирий».

– Бедный, старый и больной, я иду на мороз сгребать снег!.. Нет, нет, не надо меня провожать и рыдать тоже не надо! Я знаю, что никому не нужен! Когда я замерзну, не забудьте пнуть мой хладный труп! – напомнил он, просунув в люк голову.

– Договорились! – сказала Ирка.

Кикимор разочарованно скрылся. Он обожал, когда его отговаривают, упрашивают, жалеют, а тут «договорились!» и все дела. Никакой зеленки для уязвленного самолюбия! Было слышно, как Антигон забрался на крышу и топчется там, за отсутствием лопаты сгребая снег ластами. И не факт, что это было хуже.

Багров молчал, ковыряя ногтем каплю смолы на деревянной стене.

– Ты ждешь? – тихо спросила Ирка.

Ирка не смотрела на Багрова, но почувствовала, что он кивнул.

– Моего ответа?

– Твоего *положительного* ответа! – поправил Матвей. Порой он становился настойчивым, как Буслаев.

Ирка вспылила:

– Багров, тебе надо чаще читать словарь на букву «С»!

– Почему на «С»?

– Потому что слово «совесть» начинается с «с».

– «Сволочь» тоже начинается не с «у»... А сейчас, если не сложно, давай ближе к теме! «Да» или «да-да?» Я бы предпочел «да-да-да-да!».

– Не спеши бодаться с асфальтоукладчиком. Тебе известно, что такое валентность? – спросила Ирка.

Матвей задумался. С химией он дружил очень дистанционно. В те годы, когда он получал общее образование, великий Менделеев еще не принял стратегического решения родиться.

– Нет, неизвестно, – сказал он.

– Тогда я объясню совсем просто, как сама понимаю. Валентность – это когда химическое соединение нуждается в каком-то атоме, например, в атоме водорода. Оно как магнит притягивает его к себе, оно в поиске, оно жить не может без водорода и готово зацапать первый же атом водорода, который попадется на пути. Но когда элемент найден, валентность закрывается, и другой атом водорода – даже будь он в пять раз лучше – может сто лет стучаться в запертую дверь. Он не нужен, потому что пришел слишком поздно. ВАЛЕНТНОСТЬ УЖЕ ЗАКРЫТА. Понимаешь?

Багров внимательно посмотрел на Ирку.

– Прекрасная лекция! Но меня больше умиляет смысл. Когда тебе нужен был водород, пришел Мефодий, да? А я явился вторым и сейчас бодаю лбом дверь? – спросил он.

– Какое это теперь имеет значение? Валентность моей любви закрылась раз и навсегда... Любовь – это вообще не для валькирий. Ты же знаешь наши законы.

Лицо Багрова потемнело. Некромаги не признают препятствий. Они их просто не видят. Есть некромаг и есть цель. А все то, что между некромагом и целью – не более чем пять метров плохо проваренных макарон, которыми попытались связать спящего тигра.

– Чушь какая! «Сердце занято – сердце свободно». Тоже мне: магазин закрывается, приходите завтра! – сказал он с досадой.

– Ты не понял, Багров, *я валькирия*, – повторила Ирка.

Насмешливый выдох через нос. Победительный прищур. Нет, этот тип явно не остановится на полпути.

– Да что ты говоришь? Приятно познакомиться! Любовь не для тебя? Демагогический бред! На свете полно старых клятв, которые произносятся просто как дань традиции! Все плевать на них хотели! – заявил Багров.

– У валькирий нет клятв. У них есть законы, – напомнила Ирка.

– Думаешь, я не знаю законов валькирий? Про любовь там сказано так, на всякий случай... В духе: первым делом – са-

молеты, а любовь это так – фоновый рисунок рабочего стола. Пока не убереешь помойку в своей комнате, свадьбы не будет.

– Очень смешно, – сказала Ирка нервно.

– Смешно – смейся. Ты сама не знаешь себя так, как я тебя знаю!

– Очень мило. И что же ты обо мне знаешь?

– У меня нюх на людей... Даже не нюх: я просто их вижу. Все порывы, все движения души. Ты не просто банальная валькирия, которая получила копье и шлем, как новобранец автомат. Ты девушка с даром любви. Ты можешь творить чудеса, когда полюбишь. Любовь удесятерит твои силы. Тебя никто не остановит: ни свет, ни тьма. Такие, как ты, рождаются крайне редко. Одна на миллиард, быть может.

– Одна на миллиард? Что-то как-то многовато нас, – сказала Ирка, пытаясь вспомнить, какова сейчас численность населения планеты. Каждая девушка хочет быть единственной. Одна на миллиард – это уже не штучный товар.

Багров ковырнул ногтем смолистую каплю. Ирка вспомнила, что она тоже любит отдирать смолу от свежих досок и жевать ее, ощущая, как крошечная капля касается языка, зубов... Интересно, с Мефом у нее тоже такая же общность привычек?

– У всех валькирий есть оруженосцы. И не надо говорить, что они нужны только для того, чтобы таскать деревянные палки с острыми концами, которыми протыкаются стражи мрака. Это объяснения для обывателей. «Застегни мне на

спинке доспехи, милый юноша! Там застежка, как на том розовом купальнике, который я купила прошлым летом!» — Багров явно передразнивал кого-то из двенадцати валькирий. Вот только кого?

— Что-то я не поняла, чего ты добиваешься? Хочешь устроиться ко мне пажом? У меня уже есть один, — сказала Ирка.

— А... да, паж... Этот, что ли?

Багров насмешливо вскинул глаза. На крыше кто-то охнул, споткнулся, а затем мимо окна ласточкой пролетел Антигон и воткнулся макушкой в сугроб.

— МАТВЕЙ! Не смей трогать моего пажа!

Багров пожал плечами:

— Я не виноват. Это досадное совпадение. Предупреждаю на всякий случай, чтобы избежать недоразумений.

Ирка решила наконец поднять глаза на Багрова. Тот смотрел на нее спокойно, с завораживающим упрямством. На миг Ирке захотелось шагнуть к нему и бросить все усложнять. Что за привычка, в конце концов, превращать жизнь в запутанный лабиринт условностей? Есть валькирия-одиночка, есть человек, который ее любит... Зачем ей Буслаев, которому никогда не узнать в валькирии девчонку на коляске, к которой он порой забегал? Чего она мудрит, чего добивается? Может, ей просто хочется быть несчастной и она неосознанно ищет для этого повод?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.